

Ася Медведя



**Обманутая
ТОБОЙ**

Ася Медовая

Обманутая тобой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67720085

Аннотация

Между ними разница в социальном положении. Она из бедной семьи рыбака, а он Жемчужный Король. Неужели для истинной любви нет препятствий?

– Твоя семья не примет меня, – шептала Лейсан. – Отпусти мое сердце.

– Прекрати. Я единственный сын и наследник, они примут мой выбор.

Но его мать стала непреодолимым препятствием:

– Безродная девчонка войдет в мой дом и станет его хозяйкой только через мой труп!

– Что ты говоришь, мама? Я люблю её!

– Ты не можешь любить дворняжку, Кадир. Используй её и выбрось за порог.

– Mam, я сам буду решать свою судьбу.

– Ты пожалеешь об этом выборе, мой мальчик, очень скоро пожалеешь...

Содержание

Справка от автора	4
Пролог	5
Глава 1. Жемчужина	13
Глава 2. Дом, в котором	20
Глава 3. Не тот господин	31
Глава 4. Отель и предрассудки	41
Глава 5. Большой особняк	57
Глава 6. Теплое море – холодный омут	75
Глава 7. Двойное гостеприимство	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ася Медовая

Обманутая тобой

Справка от автора

Альтернативная Россия

В 1710 году началась русско-турецкая война, которая в альтернативном мире продлилась шестьдесят четыре года. Победу одержала Османская империя с заключением Кючук-Кайнарджийского договора, по которому Крымское ханство, Дунайские княжества, Молдавия, Мунтения, ныне Румынские земли, территории вплоть до Северного Причерноморья, Кубань и причерноморские области Грузии, Бессарабия отошли Великой Османской империи и правящему тогда султану.

При Екатерине II остались только земли средней полосы нынешней России и северные земли.

Не буду вдаваться в альтернативную историю, упомяну только, что все мои романы происходят в том, альтернативном мире, со своими порядками, устоями и правилами.

Пролог

– Зифа! Зифа, чтоб тебе на углях прыгать, куда ты провалилась?! – госпожа Килик кричала с верхней террасы, совершенно не заботясь, что три этажа заглушат даже ее громopodobный вопль.

Благо, девчонки-прислужницы услышали, выскочили из господских спален, которые прибирали.

– Тетушка Зифа, хозяйка зовет. Наверху она.

Зифа, экономка господского дома, одернула на себе двусторонний фартук, поправила платок, покрывающий волосы, и с недовольным видом, ворча на свою госпожу, в который раз пошла наверх, чтобы выслушать очередную прихоть высокомерной Азры Килик.

– Садись! – раздраженно встретила её хозяйка. – До тебя не докричишься. Помни, прежде чем выйти из особняка, доложись.

– Конечно, госпожа. Так и делаю, – покладисто покивала Зифа.

– Делает она! – фыркнула госпожа Азра. – А днем не дозовешься! Ладно с этим. Я вот зачем тебя позвала... Сердце мое материнское рвется, – тон госпожи сменился, стал обиженным, горестным, жалобным.

Хозяйка подвинула экономке газету, раскрытую на главном развороте, с которой смотрел красивый, холеный госпо-

дин Кадир, сын хозяйки.

Зифа с удовольствием посмотрела на тридцатилетнего красавца, улыбающегося даже с газеты так обаятельно, что сердце взрослой женщины начинало трепетать, что уж говорить о молодых.

– Видишь? Видишь?! – причитала хозяйка. – Ходит холостым, от всех предложенных невест отказывается, а скольких порядочных девушек губит! И ведь все идут ко мне... Понимаешь? Ко мне! Тронуть мое материнское сердце, заставить моего сыночка жениться... Ой, Зифа, как мне тяжело, как тяжело...

Госпожа Азра обожала посплетничать, а еще больше любила пожаловаться и пострадать. И всегда ей нужны были зрители. Зифа привыкла, что ее звали только, когда более достойной публики поблизости не находилось.

– Так вы ж гоните их из особняка. Тяжело было бы, задумай они остаться.

– Ничего ты не понимаешь, – отмахнулась Азра. – Они ведь на второй круг пойдут, захотят своих безродных детей пристроить, навязать моему сыну!

Тут Зифа поцокала языком. Вряд ли госпожа этого особняка и этого города позволит разбавить их чистую кровь каким-то бастардом. А девушки определенно попытаются проникнуть в дом, чтобы стать хозяйкой.

Все знали, госпожа особняка – хозяйка города, и с этим давно никто не спорил. Килики основали город, владели все-

ми землями под каждым домом и прилегающими, и всем побережьем между выступающими утесами. Килики давали работу не только в городе, но и в уезде.

Зифа лучше всех понимала, как хорошо было бы занять место хозяйки особняка, ведь она сама сюда попала, только пав жертвой Чинара Килика. Но кровь подвела её. Нечистая. С русской примесью. Даже ордынские корни не помогли. Все равно полукровка.

Так она и осталась служить в доме, чтобы хоть изредка видеть свою невозможную любовь. Ревновать его к выбранной невесте, рыдать ночами от одиночества, растить его детей, как своих собственных, и быть прикованной к этому дому их грязной тайной.

– Вы не пустите их в дом, госпожа, – уверенно проговорила Зифа, зная свою хозяйку уже тридцать лет.

– Конечно, не пущу! Но Кадир должен уже выбрать пристойную девушку. Хватит гулять по стране и разбрасываться на порченных девок.

Госпожа Азра говорила уверенно, зная, что будет по её. Всегда всё было по её. Зифа молча слушала причитания госпожи, прокручивая в уме, не подойти ли со своей просьбой к Кадиру напрямую? Господина Чинара она уже просила, тот обещал подумать, но прошло уже две недели, а он так и не ответил.

Единственная родня Зифы, её сестра с мужем и старшей дочерью, оказались в бедственном положении после выдачи

замуж младшей дочери. Непутевый муж остался без работы, а семья без денег. На севере страны, где проживало слишком много русских, всегда с работой было тяжело, а с оплатой бедно, потому Зифа и задумала перетащить бедных родственников к себе поближе, еще и о рабочем месте для своячника хлопотала.

Но если хозяин забыл о ее просьбе, она пойдет к господину Кадиру. Мальчик благодарный, помнит, кто заменил ему мать в детстве, до сих пор оказывает тётушке честь...

Зифа кивала в такт своим мыслям, одновременно усыпляя бдительность госпожи Азры, которая только распалаясь еще больше, накручивая себя гуляниями единственного сына. Но даже ее запала не хватит до обеда, а вот Зифе еще на базар отправить девчонок надо и распорядиться насчет этого самого обеда.

– Подай мне чая. Совсем нервы ни к черту, да простит меня Аллах за слова и мысли...

Азра выдохлась, а Зифа пошла исполнять приказ.

Больше тридцати лет она служит своим господам, живет в их доме, греется при их богатстве, вот только одиночество и страх ничто не изгонит из сердца.

А может, семья сестры приедет сюда и всё исправит? Будет кусок крыши над головой Зифы, кроме постылого особняка? Пусть не личное счастье, так хоть свой угол, свой очаг, пусть и пополам с сестрой?

Азра пила чай на верхней террасе, служанки со списком

убежали на базар, Зифа поставила на плиту две кастрюли под любимые блюда господина Кадира. Прежде чем подойти к мужчине с просьбой, надо его досыта накормить. К счастью, это правило распространялось на всех мужчин, вне зависимости от качества крови.

К обеду, как положено, стало стекаться всё семейство. Приехал господин Чинар со смеющимся Кадиром. Мальчик даже не предполагал, какие планы строит на него мать. Вернулась Хира, дочь хозяйки, которая на удивление согласилась просьбам девочки и отпустила ее в колледж, хотя настаивала, что для приличной девушки учеба – пустая трата времени.

Зифа скривилась, будто неприличных туда пускали! Как же. Если, не дай бог, в твоей крови была хоть капля русской, все двери учебных заведений Османской империи для тебя закрыты. Оставалось только ехать за границу, но разве у русских были на это деньги?

Следом пожаловали брат господина Чинара с семьей. Зифа презирала этих нахлебников, но этикет империи поощрял культ семейного очага, многие богатые семьи имели большие дома и жили в них несколькими семьями, даже династиями.

И только когда собралась вся большая семья, спустилась госпожа Азра, благосклонно кивая своячникам, склоняя голову перед господином Чинаром, своим мужем, и обнимая сына и дочь.

Зифа кивнула помощницам, чтобы подавали тарелки и супницы, а сама разносила чашки со специями и вина.

– Мне не наливай, тётушка! – со смехом остановил её Кадир. – Сегодня еще ехать в аэропорт.

– Вы улетаєте, господин? – удивилась Зифа, а за ней замолчала и насторожилась хозяйка дома.

Неудивительно! Самой первой всегда и всё узнавала хозяйка, а второй – Зифа. А кому даст распоряжения или выльет свои эмоции госпожа? Конечно, верной Зифе.

– Куда ты улетаєшь, сынок? – сразу вмешалась Азра. – Почему меня не предупредил?

Кадир отложил ложку, сконфуженно бросил взгляд на отца, потом ответил матери:

– Я встречаю европейских партнеров, мам. Они прилетают вечером, нужно накормить их, проводить до отеля...

– Глупости! – воскликнула Азра. – Пусть Эмир встретит и отвезет.

Зифа сразу перевела взгляд на господина Чинара, но тот спокойно продолжал обедать. Зато Кадиду предложение матери не понравилось.

– Я не могу послать водителя встретить важных для нас гостей вместо себя. Мама, это деловой договор, от которого зависит успех нашего бизнеса на долгие годы.

Как только речь заходила о бизнесе Киликов, все другие темы и разговоры затухали, чтобы обстоятельно, в деталях, вызнать, всё ли хорошо с бизнесом, ничего ли ему не угро-

жает, увеличивается ли состояние и как сделать, чтобы росло оно побольше и побыстрее.

Зифа мысленно сплюнула в сторону стервятников. Хотя они и занимали посты на фирме Киликов, но в их пользу Зифа не верила.

Разложив перед каждым специю и разлив напитки, она отошла к дверям, чтобы всегда успеть дать распоряжения девочкам: сменить тарелку, принести салфетку, подать следующее блюдо.

А сама слушала и наблюдала, слушала и наблюдала...

Если у Кадира назревает серьезный договор, у Зифы может не получиться с ним разговора, а сестру с семьей надо выручать. Она решила действовать сразу после обеда. Но, отвлеченная госпожой, Зифа упустила Кадира, сбежавшего с обеда пораньше, зато сам господин Чинар позвал её в сторонку.

– На ужин сын вернуться не успеет, – вполголоса предупредил он. – Ты отвлеки как-то госпожу.

– А вы? – удивилась Зифа.

– Я как будто не знал, – хитро улыбнулся господин и подмигнул Зифе.

Было время, когда она сильно краснела и смущалась при таких знаках внимания, но даже это время уходит, хотя привычка смущаться остается.

Зифа улыбнулась в ответ, но задержала господина. Услуга за услугу.

– Что по моей семье? У вас нашлось местечко для моего своячника?

Чинар Килик удивился:

– Для своячника?

– Мужа сестры. Он ищет работу и согласен на переезд, – напомнила Зифа.

– Ах, да! – хлопнул себя по лбу господин. – Прости, совсем вылетело из головы. Он плавать умеет?

Зифа кивнула, расстроенная, что господин даже не вспомнил о ее просьбе.

– Пусть приезжает, устраивается. Место найдем. Мы набираем пловцов на новые устричные плантации. Работа найдется, – улыбнулся господин и ушел, забрав с собой брата и его двух сыновей.

В особняке снова остались только женщины.

Зифа вздохнула и пошла звонить сестре. Раз Килик обещал – он сдержит слово. А Зифе станет легче, когда сестра окажется рядом.

Глава 1. Жемчужина

Лейсан сидела на берегу и щурилась от солнца. Мать отпускала её погулять только после четырех, когда уже не так припекало.

– Береги свою светлую кожу, дочка.

– Зачем?

– Ты такая красивая...

Мать протянула руку и убрала русые волосы с лица дочери.

– Но я не турчанка, – зло бросила та и отвернулась от матери.

– Иногда не кровь решает судьбу, девочка.

– Да-да, – согласилась Лейсан. – Если не кровь, так деньги.

А у нас, мам, ни того ни другого!

Она была недовольна переездом. С чего тётке вздумалось вмешиваться в их жизнь? На севере империи были свои, с отношением на равных, без кичливого превосходства, без показного неравенства. Конечно, там были беи, паши, эфенди, но семья Лейсан была далека от их дел, поэтому и разницы не чувствовала.

Другое дело здесь, в богатом уездном городе на юге империи. Не успели они сойти с автобуса, как черные глаза провожали каждый их шаг, прицениваясь, как к товару. Один турок схватил Лейсан за руку, выкрикивая цену отцу.

Девушка вздрогнула от омерзения, потеряла запястье, чтобы стереть воспоминания.

Хорошо, что тогда тётушка встретила их с молодым человеком, он и отогнал наглеца. Зато Лейсан осознала, насколько ее светлая кожа, голубые глаза и русые волосы здесь воспринимаются в диковинку. На юге подобные девушки редкость, и закрыты они за семью замками в богатых особняках. Уж точно не в роли хозяек...

Она подняла камушек и бросила его в воду.

В море из-за волн даже круги по воде не расходятся, не то что в их заводях и каналах. Здесь все другое: люди, порядки, нравы. А Лейсан не хотела оставаться тут. Если бы они не выдали замуж Айшу, её сестру, если бы не влезли в долги из-за свадьбы, если бы отец так не вовремя не потерял работу...

Если бы, если бы...

Теперь рано утром Лейсан бежит до базара за зеленью, яйцами и молоком. Потом безвылазно сидит с матерью в снятой для них тёткой каморке, готовит, убирает, вычищает двор. Потом мать отпускает ее погулять, но каждый раз наказывает не ходить по городу, а идти к безлюдному берегу, где чужих людей не встретить, потому что по хозяйским землям никто не расхаживает.

– А если, не дай Аллах, встретишь кого, сразу говори, что племянница Зифы Таировой, экономки господина Килика, – наказывала мать. – Не посмеют тронуть! Все что принадлежит Киликам – тронуть не посмеют.

Лейсан кивала и рвалась на берег, на свободу. Пусть мнимую, но такую необходимую молодой девушке. Мать не позволила ей найти место помощницы в лавке.

– Почему? Я же работала у дяди Тимура!

– Ты не путай север и юг, дочка. Там все одинаковы были – нищета на нищете. Потому и к порядкам относились постольку-поскольку. Здесь всё иначе. В больших городах нет работы для девушек. А если и есть, то не для таких как ты!

– Мам, я не вижу своего будущего. Там я работала, могла найти мужа, как Айша. А здесь? Что я найду, сидя в этой клетке?

Но мать только пшикала на нее, явно сама пока не представляя их будущее.

Очередной камешек булькнул и потонул в набегающих волнах. По солнцу Лейсан видела, что пора возвращаться, скоро придет отец и семья сядет ужинать. Потом она уберет посуду, помоеет и все разойдутся спать.

Хотелось выть от такой жизни!

Но пока Лейсан сидела на берегу, она придумала план. Она поможет матери и отцу закрепиться на новом месте, а сама уедет обратно на север, к сестре, в их старый дом. Там снова пойдет помощницей к дяде Тимуру. Пусть и немного, но он платит и кормит. Лейсан одной хватит. А потом может и замуж выйдет... Когда найдет того самого, от которого сердце загорится.

И тут снова вспомнилась Айша. С сестрой у них разница

всего в год. И когда отец принес новость о свадьбе Айши с Анваром, сестра испугалась. Это была свадьба не по любви, а в погашение долгов. Вот только отец одни погасил, а другие заделал.

Продал Айшу.

Лейсан стиснула зубы, чтобы не завывать. Если она не уедет, то отец и её продаст. Только здесь, далеко от сестры, в самом центре юга, среди извращенных богатством людей. А она еще надеялась найти своего мужчину и полюбить, отдать ему свое сердце добровольно, жить с ним в одном доме и встречать с радостью, а не как мать, со страхом не угодить и получить оплеуху. Рожать ему красивых детей, а не рыдать, как Айша, в ожидании ночи.

Золотая дорожка протянулась по морской глади от солнца к берегу, где сидела Лейсан. Она уже собиралась уходить, когда с высокого уступа вниз сиганул человек.

Лейсан вскочила, не сдержав крик, и следила за грациозным падением полуобнаженного человека в белых штанах. Он сделал два переворота в воздухе, потом расправил руки и выгнул спину, став похожим на птицу, и только перед самым погружением вытянулся в струнку и легко вошел в воду.

Только спустя минуту вынырнул далеко от скалы, уверенно рассекая волны в сторону берега.

Лейсан подобрала длинный подол платья и устремилась прочь. Она не знала, кто этот человек, но его полет произвел на нее впечатление. Во сне она дождалась его на берегу и

встретила выходящего из воды.

С тех пор каждую прогулку она целенаправленно шла к горному уступу, чтобы еще хоть раз застать того мужчину, летящего со скалы в море. Но прошла неделя, потом еще одна, а он так и не появился. Зато мыслями Лейсан завладел окончательно.

В своих мечтах она уже познакомилась с ним, влюбилась и отдала свое сердце. Они гуляли по берегу каждый вечер, и он рассказывал ей о своей любви.

В мечтах она подарила ему свой первый поцелуй, и он сделал ей предложение.

Но в реальности каменный уступ был гол и одинокий, как и Лейсан под ним.

Однажды, когда, замечтавшись, Лейсан заснула под ласковыми лучами вечернего солнца, над ней нависла тень, на лицо веером легли капли. Она вздрогнула, распахнула глаза и вскрикнула, увидев над собой темный, засвеченный солнцем силуэт.

– Привет, русалка, – смешливым голосом заговорил он.

Лейсан замотала головой, пытаясь отползти, но мужчина, только что вылезший из воды, в мокрой рубашке и штанах, схватил девушку за лодыжку и удержал.

Это было запрещено.

Это было нечестно, аморально!

Это было оскорблением!

Но с губ Лейсан ни сорвалось ни звука.

Она узнала его. Своего мужчину, прыгающего со скалы.

Он был невозможно прекрасен. С темными смеющимися глазами, с широкими крыльями бровей, с острыми, как высеченными из камня скулами, с полными губами, изогнувшимися в полуулыбке, и черными мокрыми волосами, завившимися в тугие колечки на голове.

Но больше всего Лейсан смущала мокрая белая рубашка, прилипнувшая к торсу мужчины и очерчивающая его великолепное тело.

– Жива? Ты чья?

– Я... Я... Мой папа работает на плантации Киликов.

– Ждешь его? – снова засмеялся мужчина. – А я рассчитывал, что ты ждешь меня, русалка.

Он отпустил её ногу, но Лейсан не вскочила и не убежала. Она продолжала сидеть на гальке и разглядывать своего мужчину.

– Прости, что так бесцеремонно набросился на тебя, русалка. Готов искупить свою вину даром.

Его улыбка не могла оставить равнодушной. Лейсан улыбнулась в ответ, совсем не ожидая, что мужчина быстро склонится над ней и коснется губами.

Сердце остановилось. Губы сжались. Время застыло... А когда отмерло, мужчина, смеясь, уходил прочь, к высокому берегу, а Лейсан что-то крепко сжимала в руке.

Она не разжала кулак, пока мужчина не скрылся за валунами, только тогда раскрыла ладонь и ахнула.

На ней лежала огромная жемчужина. Мокрая, холодная и живая. Подаренная Лейсан таинственным незнакомцем, которому все же достался её первый поцелуй.

Глава 2. Дом, в котором

Утром на базаре Лейсан ущипнул хозяин молочной лавки, когда она выбирала козий творог. Лейсан взвизгнула и отпрыгнула от крупного, плотного мужика.

– Ай, хороша девка! Была бы у меня жена стоворчивее, запер бы тебя в своем доме, любовался бы, как вечерней звездой, каждую ночь.

Он потешался громко, заливисто, словно приглашая соседних торговцев присоединиться к веселью, только глаза его блестели опасно. Лейсан знала этот жадный, похотливый блеск, который ни к чему хорошему не приведет.

Она развернулась и побежала прочь под многочисленные улюлюканья торговцев.

Они истинные в Османской империи, а она русская. У нее нет прав, нет слова против них. Они позволяли жить на их земле и есть их хлеб, но всегда напоминали, что русские тут рабы. И для Лейсан все могло измениться в любую минуту.

Если такой вот торговец явится в дом к отцу и предложит сто лир, отец продаст ее не задумываясь. И о свадьбе тут речь не шла, только о стыдной, грязной роли при хозяине дома.

Сегодня Лейсан сложила купленные продукты на стол и, не сообщая матери, побежала на берег, чтобы поплакать. Может, никто не скажет её судьбу, зато чем дольше она останется здесь, тем больше рискует стать чьей-то наложницей.

Торговца, перевозчика, риэлтора, перекупщика... Того, кто предложит её отцу достаточно денег, чтобы тот отдал дочь.

Лейсан зло стерла слёзы с глаз. Отца легко было предугадать после свадьбы Айши, со второй он уже не свяжется. Проще отдать дочь на содержание чужому мужчине. А что с ней дальше будет – отца не волнует. Сможет – устроится. Не сможет – пропадет, но это уже судьба. И не волнует, что он сам дочь с обрыва скинул.

На своем месте, под высоким горным уступом, Лейсан сжимала свои колени и рыдала, ослепленная вполне очевидным надвигающимся горем.

Очевидным было и то, что на берегу в этот час было многолюдно. Рабочие устричных плантаций, которые находились как раз за утесом, с интересом посматривали на плачущую девушку, проходя мимо нее, но только один решился подойти.

Судя по одежде, он не принадлежал к полураздетым рабочим, они не прятали своих тел от палящего солнца. А этот ходил в светлой хлопковой одежде, в белой рубашке с длинным рукавом и с повязкой на голове. Хотя повязками в полдень никто не пренебрегал.

– Вам лучше уйти с солнца, вы можете получить тепловой удар.

Лейсан вздрогнула, подняв заплаканное лицо на говорившего. Молодой, красивый, портрет любого господина из приличной семьи. Речь правильная, без северных словечек и го-

вора. Такие брезгают подходить к нищим, если только не идут с вполне понятным намерением.

– Мне всё равно, – неприветливо буркнула Лейсан. – Пусть ударит!

В другой раз она бы вспомнила совет матери и сообщила знакомцу, что племянница экономки дома Килика. Но не стала. С такими зареванными глазами, опухшим лицом и красными глазами она точно не приглянется молодому человеку.

Он осмотрел её, но не ушел.

– В полдень даже рабочих отпускают с плантаций.

Молодой господин склонился и протянул Лейсан руку. Ухоженную, без мозолей и потертостей.

Лейсан снова подняла глаза на мужчину. Черные глаза, густые ресницы, чуть нахмуренные брови, суровая линия рта. Если уж выбирать между ним и тем толстым торговцем, то лучше отдаться тому, в кого можно влюбиться, а не скрывать омерзение каждую ночь.

Девушка нерешительно подала свою руку. Сейчас она преступала закон, дотрагиваясь и позволяя касаться себя незнакомому мужчине.

– Прости... Эмир. Будем знакомы, – вдруг замешкался он и сразу исправился.

Лейсан смелее взялась за протянутую руку, улыбнулась, вдруг узнавая его:

– Лейсан, – и подумав, добавила: – племянница Зифы Та-

ировой, экономки особ...

– Я её знаю, – вдруг прервал Эмир. – Племянница? Мы недавно встречали вас на вокзале. Я думал, у нее нет семьи.

– У нее есть сестра. Мы недавно переехали сюда с севера. Эмир понимающе кивнул, уводя девушку к утесу в тень.

– С севера. Теперь понятно, почему ты знаешь о подлости местного солнца.

– Знаю... Я обычно гуляю тут по вечерам.

Эмир кивнул, не выпуская девушку из своей руки.

– Лейсан, я должен ехать, но боюсь оставлять тебя здесь одну. Может, отвезти тебя в особняк, к тёте?

Она нахмурилась, оглядываясь на остановившихся рабочих, с интересом разглядывающих их, на солнце высоко в зените. Подумала о возвращении домой, когда маме придется объяснять свой вид и зареванное лицо, после этого кивнула.

– Да, если вы едете мимо, я бы не отказалась поехать к тёте.

Эмир вместе с ней поднялся на высокий берег, где шла дорога, и подвел к дорогой черной машине, настолько блестящей, что слепила она не меньше солнца.

– Садись сзади. На переднем месте не разрешают возить пассажиров.

В машине было прохладно, пахло чистотой и кожей. Только тут Лейсан подумала, что ехать к тёте в дом богачей не самая разумная идея. Тем более в таком виде.

– Эмир... Я вспомнила, что не могу поехать к тёте. Оста-

новите?

– Почему? – Эмир бросил удивленный взгляд в зеркало заднего вида, но продолжал следить за дорогой.

– Я её не предупредила. Неудобно будет...

Эмир усмехнулся, замечая, как Лейсан украдкой вытирает глаза и нос, и подал ей большой бежевый носовой платок:

– Умоешься в особняке, потом тётя проводит тебя.

Только тогда Лейсан успокоилась, откинулась на сиденье, тщательно вытирая лицо и руки, вдыхая необычный терпкий аромат от мужского носового платка.

Мимо проносились оживленные улицы города, стеклянные витрины дорогих магазинов, высокие дома административных учреждений, специально высаженные пальмы и экзотические цветы. По этой части города Лейсан не гуляла. Эта часть богатых, мать сюда не посылала, и сама не ходила, но до чего же было все вокруг красивым, даже сказочным. Невозможно не любоваться!

Эмир плавно подъехал к большому дому, стоящему на центральной улице в самом начале на возвышении. Остановил у кованых ворот и повернулся к девушке.

– Ты первый раз в особняке?

Лейсан кивнула, во все глаза рассматривая трехэтажный особняк с садом вокруг дома и садом на террасе на третьем этаже. Как же можно жить простым людям в таком дворце?

Одно дело, богатые чистокровные могут ходить по этим лестницам, но тётя? Она той же крови, что и Лейсан, а живет

в таком невероятном месте!

– Я провожу тебя, – снисходительно улыбнулся Эмир, открывая дверь перед Лейсан, помогая выйти из машины и провожая её во внутренний дворик.

– Тётушка Зифа! – громогласно позвал Эмир, отчего девушка вздрогнула и поспешно выдернула руку из его ладони. – Тётушка!

– Чего кричишь, Эмир? – раздался ворчащий голос Зифы из открытой двери особняка во внутренний дворик.

– Выйди, посмотри, кого я к тебе привез.

Только тут Лейсан поняла, что Эмир не поверил ей, привез, чтобы узнать, племянница ли она тётушки или прикрывается ложью.

Она вспыхнула, разозлившись на Эмира, но ничего ответить наглому молодому человеку не успела. В дверях показалась Зифа, наскоро вытирающая руки кухонным полотенцем. Она заметила Лейсан, склонила голову набок и только тогда всполошилась:

– Лейсан, девочка, с сестрой что случилось?

– Нет, тётушка, всё хорошо, – затараторила девушка, подбегая к испугавшейся тёте, приседая перед ней на колени, когда та тяжело опустилась на ступеньки.

Лейсан очень хотелось посмотреть в глаза Эмиру, на его лицо, когда он узнал, что она не обманщица! Может, у нее и нечистая кровь, и северная внешность, но к честности и совести это не имеет никакого отношения!

– Так чего ты приехала? – держась за сердце, выпрашивала тётушка, вглядываясь в заплаканное лицо племянницы.

– Это я привез её, – раздался голос над головой. – Не мог оставить на берегу под солнцем в полдень. Вечером проводишь домой, заодно и сестру навестишь.

Зифа кивала, поглядывая на молодого господина.

– Я поеду в офис. К обеду вернусь.

– Хорошо, сынок, хорошо. Обед будет готов вовремя.

Они посидели на ступеньках ровно до того момента, как Эмир вышел за ворота и отъехал на машине.

– Сидеть некогда, – вдруг зашевелилась тётушка. – Поднимайся, помогать будешь. Почистишь чеснок и расколешь орехи для соуса к обеду.

Лейсан согласно кивнула. На сегодняшний день выдалось так много событий, каких она не испытывала всю свою жизнь, пожалуй, если не считать приключения с сестрой, но то было в детстве, и её свадьбы.

Если бы Лейсан могла, она каждый день после базара бежала сюда через весь город и помогала тётушке.

Воспоминания о базаре омрачили настроение девушки. Вечером придется рассказать маме и тёте всё, что с ней произошло и чего она боится от отца. Лейсан верила, что мама и тётя её в обиду не дадут.

– Садись здесь, во дворике, за стол и чисти. На кухне жарко, упадешь еще с непривычки.

Тётя ушла, оставив Лейсан под тенью деревьев на прият-

ном ветерке чистить чеснок и колоть орехи. Если она хорошо и быстро справится с работой, может, тётя возьмет её помощницей в дом?

Лейсан заметила, как три молоденькие девчушки сновали по поручениям тётушки туда-сюда. То в кладовку за сметаной, за перцем, за вареньем. То в лавку за зеленью. То в булочную за свежими лепешками.

Ха, Лейсан тоже может выполнять поручения! Это куда интереснее, чем сидеть всеми днями дома или на берегу.

Она не услышала, как сзади подкралась, и кто-то дернул ее за волосы. Лейсан от испуга вскочила, рассыпав чеснок, орехи и всю шелуху по двору.

Лейсан резко развернулась и не глядя ударила наглеца. Хотелось бы ей, чтобы это был подозрительный Эмир, но на нее глядели озорные и удивленные глаза мужчины с уступа.

– Русалка? Ты еще и драться умеешь?

– Ой, прости! Я думала, это господский сын, – охнула Лейсан, в ужасе закрывая рот ладошкой и не зная, как загладить свою вину.

Поднять руку на мужчину уже считалось грехом. А ударить того, от которого сердце рвется вскачь – совсем неразумно. Сейчас он отвернется и уйдет, забудет о ней навсегда.

– Кто? Господский сын? – засмеялся он. – За что ты на него так разозлилась, Русалка?

Мужчина стоял перед ней в потертых джинсах, в линялой футболке и улыбался. Он совсем не разозлился на нее за по-

лученный шлепок.

Интересно, как оказался он в главном особняке города? Неужели тоже здесь работает? Кем? Садовником? Или водителем? Тогда почему господин Эмир сам водит машину?

– Он посчитал меня лгуньей, – заносчиво ответила Лейсан, веря, что мужчине, которому она подарила первый поцелуй, можно доверять.

– Серьезно? – шутливо удивился он. – Ты только выдавала себя за русалку, а потом отрастила ноги, чтобы проникнуть в его дом?

– Не смейся, – умоляюще попросила Лейсан. – Мне нужно успеть закончить с чисткой орехов и собрать весь мусор, пока тётушка не увидела.

Мужчина наклонился, чтобы помочь Лейсан. Вдвоем они быстро собрали просыпанное, потом Лейсан подмела шелуху и выбросила в ведро, которое показал ей мужчина.

На счастье Лейсан, он не ушел, а присел напротив, с улыбкой разглядывая её.

– Как же ты очутилась в этом доме? – спросил он, вдруг протягивая руку, подцепляя локон волос и протягивая его между пальцев.

Лейсан тихо охнула, поймав неожиданные ощущения внутри себя. Сердце... Она уже не слушала его, слишком беспокойно оно вело себя, то останавливалось, то билось, как птица о клетку. Зато трепет, легкая, непонятная, но очень приятная дрожь заструилась по венам, заставляя её

прикрывать веки и издавать странные охи.

Надо сказать, мужчина тоже не остался равнодушным. Его глаза потемнели, улыбка сошла с полноватых губ, которые стали твердыми, словно высеченными из камня. Его рука потянулась и легла девушке на шею, поглаживая у основания под самыми волосами.

Лейсан утратила всякую связь с этим миром, полностью отдаваясь покачивающим её волнам удовольствия от движения руки мужчины. Он потянул ее ближе, наклоняясь сам через стол.

Сейчас это снова произойдет. Их поцелуй. Лейсан чувствовала, ждала, призывно приоткрыла губы.

Но тут вышла тётушка и крикнула в их сторону:

– Кадир, мальчик мой, шел бы ты в дом. Мне помощь нужна в спальне госпожи!

Кадир. Вот как зовут её мужчину. Кадир.

Самое мужественное и любимое имя!

– Да, тётушка, – откликнулся он, мгновенно отпуская Лейсан, и возвращая на губы улыбку. – Никуда не исчезай, Русалка, – шепнул он ей, выходя из-за стола. – Ты должна мне поцелуй.

Это секретный шепот остался между ними. Кадир ушел, Лейсан дочистила чеснок, расколола несколько орехов, когда тётя Зифа спустилась к ней.

– Я вызвала такси. Поезжай домой. Вечером не смогу тебя проводить, а оставаться тебе здесь незачем. Поезжай, сестре

привет передай от меня. А в выходные я сама в гости приду.

– Но, тётя...

– Ничего не говори. Нечего тебе на хозяйские глаза попа-
даться. Уходи.

Глава 3. Не тот господин

И все же тётя позвонила матери Лейсан. Как еще объяснить, что мама перестала выпускать её из дома? Ни на базар, хотя Лейсан и не рассказала о приставаниях торговца, ни на берег, а ведь, кроме тёти, никто не знал, что Лейсан встретила там господина Эмира.

До самых выходных она просидела в тесном доме, помогая матери и по вечерам задерживаясь после ужина в маленьком дворике.

А ведь весь их дом и двор уместятся во внутреннем дворике особняка Эмира! И даже еще место останется.

Лейсан достала из кармашка жемчужину и погладила её сверкающий бочок. Вот если бы можно было жить в богатом доме и любить своего мужчину! Вот если бы Кадир был господином, а не Эмир...

С тяжелым вздохом Лейсан убрала жемчужину обратно в тайный кармашек, чтобы не потерять. Сейчас у нее нет выбора, и боженька не допустит, чтобы Лейсан пришлось выбирать между любовью и красивой жизнью. Перед девушкой стояли более приземленные проблемы: как не оказаться проданной торговцу.

Она вспоминала, как таяла от прикосновений Кадира. Он точно искал её на берегу, но мать не пускала гулять. Они могли встретиться, поговорить, поцеловаться... Лейсан по-

казала бы, что хранит его дорогую жемчужину.

Теперь она не сомневалась, что Кадир тоже работает на Киликов. Возможно, смотрит за устрицами, в которых выращивается жемчуг. Или служит при особняке, раз встретился ей и в доме, и недалеко от плантаций.

Лейсан чуть дождалась выходных, рассчитывая тщательно допросить тётушку про Кадира. За эти дни она уверилась, что они встретятся и будут вместе. Ей казалось, что сама судьба ведет её за руку к нему. А тётя должна помочь.

Посетив мечеть и помолившись, Лейсан с мамой накрыли праздничный стол под ворчания отца, и ждали тётю Зифу.

– Пообедаем, уйдешь в свою комнату, – вдруг предупредила мама.

– Зачем?! Я так ждала тётушку, а теперь ты велишь снова закрыться в четырех стенах? – Лейсан вскинулась, от злости сжав кулаки. – Я не буду больше сидеть в доме, мама. Я хочу работать... Да, хочу работать. В особняке тётушки. Она придет, и я попрошу ее взять меня туда помощницей.

Мать вскочила, хватаясь за сердце:

– Что ты такое говоришь? Ты не пойдешь в особняк! Слышишь? Ноги твоей там не будет! Один раз Аллах от беды отвел, второй раз не пушу.

– А кудапустишь? На базар? Знаешь, кто там на меня глаз положил? Знаешь, сколько денег предлагал? Ты ждешь, пока отец соблазнится и продаст меня за сто лир?

Удар матери был молниеносным. Щека горела. Но боль-

ше всего от обиды горела душа Лейсан. Она вскрикнула, закрывая ладонью щеку, вскочила и не оглядываясь побежала прочь из дома. Туда, где мысленно проводила время всю последнюю неделю, на берег моря.

Зря мать и тётя ополчились против нее. Может, они думали, что лучше Лейсан знают, как ей надо жить, но это не так. Лейсан не устраивал ни один из вариантов, который представлял ей юг вместе с мамой, тётёй и отцом. Она либо будет с Кадиром и работать в особняке тёти Зифы, либо уедет обратно на север к сестре Айше.

– И снова я застаю тебя плачущей.

Лейсан вздрогнула, поднимая лицо на Эмира.

Он стоял над ней и не улыбался. Кадир всегда улыбался, и лучики мелких морщинок разбегались от уголков прищуренных глаз. А господский сын не улыбался никогда.

– Боитесь, что залью ваш берег слезами? – огрызнулась Лейсан, не в состоянии совладать со злостью и раздражением.

Эмир присел рядом, лицом к морю, как сидела девушка, и снова подал ей платок.

– В этом мире много несправедливости. Не только к бедным, но и к богатым, – тихо проговорил он. – Но для всех существует только два пути. Принять и стремиться изменить жизнь. Или принять и жалеть себя всю жизнь.

Что? Богатенький сынок поучает её, как надо жить?

От удивления Лейсан даже плакать перестала, повернув-

шись к Эмиру и разглядывая его точеный профиль. Почему-то сейчас ей показалось, что в профиль Эмир чем-то похож на Кадира. Может, потому что Лейсан очень надеялась встретить на берегу его, а не господского сына.

– Ты правда думаешь, что несправедливость для богатого и бедного одинакова? Для мужчины с юга и девушки с севера она одна? – Лейсан вскочила, чтобы посмотреть на Эмира сверху, чтобы чувствовать пусть ложное, но превосходство.

Эмир даже не поднял головы, продолжая спокойно сидеть и смотреть на море.

– Я не вижу разницы между ними, если они выбирают путь жалеть себя, а не идти вперед.

– Жалеть? Жалеть себя? – воскликнула Лейсан, забывая, с кем она разговаривает. – Что ты можешь знать о жалости? Что ты можешь знать о выборе? Когда ты влюбишься, пойдешь и выберешь себе любую девушку. Ту, которую полюбишь. А я? Думаешь, мне дадут выбор? Нет. Меня купят. Как овцу, как подстилку на лавку... Нет у меня выбора. Кто дороже заплатит, тот и заберет!

– Даже тут есть выбор, – возразил Эмир. – Жалеть себя всю жизнь или полюбить того, кто заплатил за тебя.

Лейсан ахнула, задыхаясь от гнева. Но что она могла еще сказать этому избалованному сыночку? Резко развернулась, чтобы уйти, но Эмир удержал её за запястье.

– Пусти! – выкрикнула она, вырываясь, но потеряла равновесие, соскользнув ногой по гальке, и полетела вниз, падая

на мужчину, распахнувшего объятия, чтобы поймать её.

Миг – и Лейсан лежит на нем, еще секунда, чтобы ска-
титься и встать, но руки мужчины удерживают её.

– Пусти, – повторяет она, но Эмир прижимается к ней,
прислоняясь щекой к щеке, и шепчет:

– Никогда, слышишь, никогда не сдавайся, иначе Аллах
отвернется от тебя. Иди вперед, не жалея себя, иначе доста-
нется тебе самая горькая доля. Поняла?

Он отпустил её, легко вскочив на ноги и подняв ее за со-
бой. Лейсан качнулась, но Эмир поддержал её, на секунду
снова прижав к своему крепкому горячему телу.

Она смутилась, отступила. Мужчина больше не держал.
Развернулась и пошла прочь. Он не пошел за ней. И тогда
она побежала.

Не жалей, иди вперед... Хорошо ему так говорить, когда
самому редко о чем жалеть приходится. Полюби того, кто
выбрал тебя... Как мама полюбила отца? Как Айша приняла
выбранного ей мужа? Разве это лучшая доля?

Стремись изменить свою жизнь... Но как? Лейсан хочет
помогать в особняке тёте. Зачем?

Девушка остановилась. Почему она передумала возвра-
щаться на север и хочет остаться здесь? Зачем она стремить-
ся попасть в особняк?

Потому что увидела красивую жизнь, увидела, в каком бо-
гатом доме можно жить, пусть не хозяйкой, но помощницей.
Ведь тётя Зифа живет в богатом доме без мужа, без детей

и счастлива! У нее даже деньги есть, чтобы купить домик в городе для семьи сестры. У отца Лейсан никогда таких денег не было, а у тёти Зифы есть.

Лейсан не нужно будет продавать и выдавать замуж, если она станет помощницей в богатом доме. Тогда у нее будут деньги, и она сможет сама выбрать себе мужа. Кадира. Вот еще причина, почему Лейсан хочет попасть в богатый дом. Чтобы быть ближе к своему мужчине.

Уже подходя к бедной лачуге, где её семья обедала, Лейсан вспомнила, что в том доме будет часто встречать Эмира. И снова подумала о его словах: полюби того, кто взял тебя. А ведь она могла бы полюбить Эмира. Если бы он соблазнился ей, пообещал оставить в своем доме и обеспечить ей красивую жизнь, она смогла бы... Наверное. Полюбить. Если бы не встретила до этого Кадира.

Теперь-то Лейсан была уверена, другого она не полюбит. Её сердце готово признать только Кадира, как бы беден он ни был. А богатого Эмира оно не примет.

Тихо отворив калитку, Лейсан вошла во двор и в тени пошла ко входу, замечая маму и тётю Зифу, пьющих за столом чай. Отца нигде не было.

– Леся? – мать заметила ее. – Подойди. Тётя пришла.

Лейсан по привычке отряхнула платье, поправила волосы и подошла к столу.

– Садись. Выпей с нами чай.

Лейсан не села, а сначала разлила женщинам по чашкам,

сходила за вареньем и сладостями, вынесла фрукты, только потом налила чай себе и села.

– Расскажи нам про базар, – велела тётка. – Зиля обмолвилась про ссору. Так что договаривай. Решать надо, может, обратно тебя отправить, на север.

– Я не хочу на север, – вскинулась Лейсан. – Я помощницей к тебе хочу, в богатый дом. Работать я умею, а мама не пускает.

– Мать твоя знает, что делает. Неужели ты хочешь такой жизни, как у меня?

Мама молчала, отдавая право говорить старшей сестре. Лейсан почувствовала, что у нее есть шанс изменить свою судьбу.

– А что меня ждет? Что на юге, что на севере – меня продадут, и я всю жизнь буду терпеть ненавистного мужа, как мама?

– Леся! – одернула ее мать.

– А что «Леся»? – зашипела в ответ дочь. – Думаешь, я поверю, что ты любишь его? Думаешь, я не знаю, из-за чего перед свадьбой рыдала Айша? Неужели тебе её совсем не жалко было? Мы уехали, теперь её никто не защитит.

Мать сжалась, закрыла глаза и отвернулась. Зато тётя Зифа вскинулась:

– А ты видела другую жизнь? Или, думаешь, в семье жить тяжелее, чем одной на всем белом свете? Я гну спину с молодости на чужих людей и в старости, если на ноги встать не

смогу – выгонят на улицу, не пожалеют.

– Зато ты останешься с деньгами. А мы зависим от отца и его долгов. Никогда у нас денег не было.

Зифа цокнула языком и запила чаем.

Мама тихо плакала, вытирая нос уголком платка.

– Так ведь права она, куда ни подастся, всё равно нищета.

– А к себе возьмешь – испортят девку, замуж по нормальному уже не выдашь.

Они опять замолчали, а Лейсан насторожилась, понимая, что в эти мгновения решается ее судьба. У нее именно сейчас появляется какой-никакой выбор.

– Не хочу я замуж. Никогда не захочу, – горячо проговорила она, прижимая ладонь к груди. – Не буду я счастлива с ненавистным мужчиной и терпеть его не буду! Лучше со скалы брошусь.

– Что ты говоришь, Леся!

– Не произноси такое, Аллах услышит, не простит!

– А вот и пусть услышит! Больше одного раза вам отдать меня не получится. А я такую жизнь терпеть не стану.

Мать снова тихо завывала, прижавшись к плечу Зифы, а та поглаживала сестру и смотрела на Лейсан.

– Ты думаешь, тебе в богатом доме удастся остаться без внимания мужчины? Вон, молодой хозяин тебя уже заметил, а он темпераментный мужчина, его так просто от себя не отстроишь. Одно дело ублажать господина и терпеть его за милости, другое – выжить от мести матери. А когда гос-

подин приведет молодую хозяйку – останешься ли ты жива?

Лейсан нервно сглотнула. Ведь только что на пороге дома думала, что вполне сможет вытерпеть внимание Эмира, а теперь тётушка предупреждает о нем.

– Я осталась в доме и служу там хозяйке, только потому что ношу тайну господина Чинара. Только поэтому. Случись всё иначе, еще неизвестно, как повернулась бы моя судьба и не просила бы я крова у своячника.

– Я не буду поощрять господина, – твердо сказала Лейсан.

– А если ее в другой богатый дом помощницей пристроить? – несмело вмешалась мать.

– Нет тут других домов. Только особняк Килика. Весь город им принадлежит. Все дома. Если размениваться, так нет разницы, кому продавать племянницу – торговцу на юге или ростовщику на севере, – отрезала тётка.

Мама тяжело вздохнула, с опаской поглядывая на входную дверь в лачугу. Наверное, отец сразу после обеда ушел туда смотреть телевизор, пока сестры решали судьбу Лейсан.

– Значит, вот что. Поезжай на месяц к сестре. Проведай ее. Новости про мать-отца привези, – решила тётушка. – А там вернешься – посмотрим. Может, хозяин переключится на другую пессию, или госпожа ему невесту найдет, тогда возьму тебя помощницей в дом. А может, за месяц и сама передумаешь возвращаться, останешься на севере. У судьбы на тебя могут быть совсем другие планы, кто знает... Такие решения быстро не принимаются.

Мама покивала, соглашаясь. К тому же тётя Зифа и денег на поездку дала, и телефон для связи. А когда Лейсан провозжала тётушку за калитку, та остановилась, поправляя волосы племянницы, и произнесла:

– Когда звала вас сюда, не думала, что беду накличу. Красавица ты для этих мест, но нечистой крови тут никто не простит и глаза не закроет. Как ни зови вас при рождении османскими и татарскими именами, кровь-то видно. В нас, Таировых, не так заметно, а в тебе, доченька, Урусовы проглядывают...

Это она так отметила, что Лейсан в родню отца пошла, светленькая и голубоглазая. Та, которой русское имя «Лейсан» шло больше восточного «Лейсан». Никого здесь имя в заблуждение не введет. Тётя права. Как права и в том, что за месяц Лейсан без покровительства богатого дома одна на юге не останется. Не дадут. Уведут посреди улицы, и никто не вступится.

Месяц на севере с сестрой был хорошей паузой всё взвесить и решить не только для тётушки и мамы, но и для самой Лейсан. Она никогда не задумывалась, как тётя Зифа оказалась экономкой в богатом особняке, пока та сама не наметнула на любовь господина Чинара.

А если положение можно получить только за внимание господина, то стоило ли отказываться Лейсан от Эмира? Себе она не доверяла. Матери бы ни в жизни не открылась, зато Айша поймет её и посоветует.

Глава 4. Отель и предрассудки

Азру не так легко водить за нос. Это надо быть наивной и доверчивой, чтобы верить другим и не проверять. Азра не доверяла никому. Иначе не была бы она сейчас Азрой.

– Я стара уже...

– Ну что вы, госпожа Килик! Такой чудесной женщины не сыщется во всей Османской империи.

Лесть! Наглая плохо прикрытая лесть! Но Азра улыбнулась, принимая её.

Еще неделю назад она поймала себя на том, что несколько минут смотрит на лестницу между этажами в доме и не решается ступить. Колени ломит, каждый шаг дается с трудом. Голова кружится, а вдруг подведет и скатится госпожа с лестницы в ноги прислуге? Моментально об этом растрезвонят по всему городу! Недопустимо...

Но и игнорировать возраст и свое состояние больше не выходило. Потому она передавала свой пост попечителя женского совета города более молодой женщине, жене чиновника, с которыми они семьей дружили уже долгие годы.

Женщина молодая, амбициозная, безусловно благодарная за оказанное доверие, хотя Азра руководствовалась только расчетом. Она имела влияние на эту женщину и неофициально через нее могла напрямую управлять советом и принимать окончательные решения. Зато избавлялась от необ-

ходимости ходить на собрания и тратить свое время на пустую болтовню местных клуш.

У Азры наметился вопрос посерьезнее. Женидьба единственного сына. Он еще не собирался остепениться, но, мать решила, пора. Она уже распланировала ряд мероприятий с чаепитием, где сможет познакомиться со всеми потенциальными невестками подходящего возраста.

Не та нынче молодежь, не та... С лица хороша невеста, а как копнешь поглубже, так обязательно червоточина вылезет. А Кадиру нужно выбрать самую лучшую! Ту, что станет достойной хозяйкой их дома.

Азра унеслась мыслями в далекое прошлое, когда сама была невестой и каждую неделю к ним в дом приходили сваты. Ах, какие хорошие семьи к ним обращались! Все хотели получить Азру в хранительницы своих очагов.

Она была бы польщена таким вниманием, если бы не знала точно, что достойна такого почтения, достойна занять самый большой дом в этом городе. Хотя тут самоуверенность Азры отступала. Самый большой дом принадлежал Киликам, а обоих братьев она ненавидела всей душой.

Как стала взрослее, мать стала брать ее в свет, где подружки очень любили перемыть между собой косточки всем горожанам. Так вот, семье Киликов доставалось больше всего.

Два брата, самые видные женихи, самые красивые и богатые. Основатели города. Владельцы обширных устричных плантаций. Добытчики самого крупного и идеального жем-

чуга на востоке...

Да-да, стать невестой одного из братьев хотела каждая, невзирая на возраст и положение. Но не Азра!

Она с ужасом слушала о приключениях и сомнительных победах братьев Киликов. Старшего за любовные похождения отстранили от управления семейным бизнесом, когда он связался с нечистой и привел её в дом с ребенком в подоле.

Какой был скандал! Месяц обсуждали только их и решение отца передать управление фирмой младшему брату, Чинару.

Чинар не был более благовоспитанным, его похождения также обсуждались, но, в отличие от старшего брата, ему хватило ума не тащить девку с низов в дом.

Но благоразумие Чинара Азра оценила позже, а тогда, еще молодой и незамужней, она мечтала о чистой любви, об ответном и вечном чувстве, которое воспевают в песнях. Поэтому очень удивилась, увидев однажды на пороге своего дома сватьёв из дома Киликов.

Скандал со старшим братом еще не утих, младший только-только принял на себя управление фирмой, но Азре было все равно, кто к ней посватался. Она еще у порога отказала, плевав на шокированные лица своих родителей. Крикнула, что никогда не даст согласие на брак с Киликом, и убежала наверх, закрылась в комнате и не выходила, пока родители извинялись и всячески заглаживали вину перед сватьями.

Азра вздохнула... Если бы всё решалось словами, как про-

сто было бы жить. Но на востоке другие правила. Сваты пришли в дом снова с богатыми подарками, украшениями и тканями, с изысканными угощениями и редкими винами.

Мать выволокла Азру из комнаты и заставила принять подарки, хотя девушка продолжала твердить «нет-нет-нет». В тот раз она узнала, что сватается к ней Чинар.

В третий раз свататься к ней пришел сам жених. И тогда её сердце сдалось... Одно дело видеть его на фотографии в газете и осуждать, слушать про него сплетни от старших и презирать, другое, столкнуться на узкой лестнице в доме, оказаться в крепких объятиях красивого мужчины, утонуть в его темных глазах и почувствовать, что за этого мужчину ты готова биться со всем городом, лишь бы он был твой.

Она согласилась, надеясь, что Чинар так же покорен ею, как и она им. Долго Азра думала, что единственная у Чинара, пока «добрые» подруги не открыли ей глаза. Вот с тех пор Азра глаз больше не закрывала.

Несмотря на то, что она стала женой младшего сына, в дом она вошла хозяйкой. Мать Чинара не приняла невестку старшего сына, отдавая всё свое расположение и влияние Азре. Это удивительно, когда начинаешь чувствовать свою власть не просто в богатом большом доме, а в богатом приморском городе, а то и во всем уезде.

Тогда, по молодости, Азра не до конца понимала, какое могущество получила из рук матери Чинара, только позже та показала и научила, как всё и всех держать в своих руках.

В доме никто не смел перечить хозяйке. То была ее территория, ее стены, ее крыша. Ни муж, ни сыновья, какого бы положения и ранга они ни были, слова не смели сказать поперек. А в рамках традиций все как один были связаны семейным очагом.

А имея такое влияние на мужчин своего рода, хозяйка беспрепятственно входила в любой дом, открывала любые двери, переступала любые пороги.

Госпожа особняка была единственно значимой фигурой. И это поддерживалось столетиями!

Потому старший брат потерял всё, сделав неверный выбор, а Чинар получил всё, выбрав Азру. Потому Азра стала госпожой особняка и теперь, как еще раньше свекровь, переживала, кого выберет её любвеобильный сын. Передать корону можно только достойной, а кто выберет лучшую девушку для сына, как не любящая мать?

Госпожа Азра снова посмотрела на фотографию к вчерашней статье, сопоставляя события.

Кадир в обед встретил западных партнеров, среди которых была светловолосая девушка. Тут Азра недобро прищурилась, категорически не одобряя западных девиц с их распущенными нравами. Пусть они называли их свободными, но перед лицом Аллаха все знали, что, как грех ни назови, он все равно грехом останется.

Распутная, самоуверенная выскочка, жмущаяся на фотографии к её сыну, призывно улыбающаяся и всем своим ви-

дом показывающая, насколько она доступна. Мерзость!

А Кадир поддался на эти грязные уловки, не явился на ужин, и всю ночь его в доме не было. Кому, как ни матери, знать, кто спит под крышей её дома?

Утром на завтрак опоздал, не выспался. А Азра пожалела сыночка, еще не зная об особой гостье... Где он их разместил? В отеле?

Госпожа Азра, не раздумывая ни секунды, набрала по телефону управляющего. Тот сразу же залепетал, услышав хозяйку. Азра усмехнулась. Так и положено каждому! Трепетать, когда госпожа Азра Килик хочет кое-что узнать.

– Мне нужно узнать, господин Кадир снимал для себя номер в эту ночь?

– Я должен проверить, госпожа...

– Нет-нет, я уверена, ты и так знаешь, что не снимал. Или снимал, но не для себя.

– Простите, госпожа.

– Неважно. Просто скажи, он был с гостьей? Той, что из Европы?

– Да, госпожа.

– Развлекал её? – скривилась госпожа, выдавливая из себя слова.

– По-султански, госпожа. Мы до полуночи доставляли в номер деликатесы. Красную рыбу, устрицы, икру, ягненка, приготовленного на вертеле с травами...

Пока управляющий перечислял, как шикавал ночью её

Кадир, госпожа Азра только качала головой. Да-да, владея побережьем, каждым клочком богатой земли на суше и под водой, Кадир никогда ни в чем не знал отказа. К этому привыкаешь, этого не замечаешь и не ценишь, зато как богатство впечатляет других, кто даже рядом с таким не стоял!

А её мальчик рос в роскоши и почитании, для его это мелочи. Зато девушка была поражена. Да что там, сражена! Азра была уверена, что уже вечером выскочка напросится на ужин и постарается очаровать мать богатого мужчины.

Как же, как же! И не таких дерзких разворачивали и гнали с порога.

Госпожа усмехнулась. С этой плебейкой даже церемониться не будет, но сыну подчеркнет, что впускать таких шалав в дом – только порог марать! Допускать до матери – святое попирать. Принимать недостойное самому – до счастья не дотянуться.

Пора мальчику извлечь уроки. Пора.

– Господин Чинар, доброго дня, мой господин, – сладко пропела она в трубку. – Занят, занят, как всегда, но уделите своей госпоже немного времени. Конечно, я по важному вопросу звоню! Сдается мне, что гости ваши западные на ужин к нам приглашены будут. Не сегодня, так завтра... Да? Уже? А что же сынок не предупредил? Мне же распорядиться нужно. Конечно-конечно, вы такие занятые, что вы, господин Чинар, что мой мальчик... Но теперь я предупреждена и подготовлюсь. А как же! Доброго дня, мой господин.

Не успела отключить звонок, как тут же зычно крикнула:

– Зифа! Зифа, куда ты опять запропастилась? Ужин сегодня будет большой. Готовь побольше да повкуснее. И только национальные блюда. Никаких шашлыков и плова. Только национальные, поострее и с чесночком, как мы любим.

Азра ехидно улыбнулась. Что ж, знакомство состоится, надолго они запомнят друг друга. В одной постели кувыркаться, это не за одним столом со всей семьей сидеть. Вот и посмотришь, мой мальчик, на разность менталитетов и распушенность белобрысой девки.

* * *

Вечером Кадир весь светился. Мальчик был горд, что может показать своим западным партнерам свой дом и свою гостеприимную семью.

Госпожа Азра вышла вперед, приветствуя гостей и уводя их с собой на верхнюю террасу. Кадир задержался внизу с гостьей. Сад ей показать хочет? Или внутренний двор? А на что там смотреть? Лучший вид всегда открывается с верхней террасы. На весь город, лежащий у подножия холма и господского особняка. Трехэтажный огромный дом был истинной жемчужиной этого побережья.

– Сегодня я познакомлю час с нашей национальной кухней, – улыбалась госпожа Азра, выводя гостей на широкую террасу с видом на ночной город, подсвеченный фонарями,

как гирляндами.

Гости охнули, тут же подходя к перилам и всматриваясь в ночной город, в звездное небо и огромную полную луну.

– Невероятно!

– Какая красота!

– Кадир уверял, что мы влюбимся в этот город...

Госпожа Азра кивала, отмечая, как загораются глаза западных партнеров при виде их богатства и свободы.

По телевизору Азра часто смотрела выпуски новостей и передачи про западную жизнь, видела, в каких клетушках проживают европейцы, вынужденные терпеть соседство чужих людей. Даже самые состоятельные имели ограничения, не из-за средств, а из-за демократичной ответственности перед другими.

Азра мысленно усмехнулась. Это же надо такое придумать, чтобы иметь много денег, но не пользоваться ими, а скрывать, а то вдруг нищему и менее удачливому гражданину станет обидно, что он не может себе позволить жить лучше.

Идиотизм!

Вот, смотрите, наша семья может иметь целый город, всё побережье, самый лучший и большой дом в этом уезде! И мы не стыдимся того, что имеем по праву.

– Присаживайтесь, господа. Сейчас вынесут вкусный суп «Ишкембе», – госпожа Азра коварно улыбнулась. – Турецкий суп «Ишкембе» очень похож на те, что готовят в балкан-

ских странах. В нем наваристая говяжья требуха, яйца, лук и чеснок. Ишкембе едят с чесноком, добавляя по вкусу уксус или лимон. Очень полезное блюдо! Хорошо усваивается организмом и расслабляет пищеварительную систему.

– Расслабляет? – хохотнул один из гостей. – Что ж, попробуем! Некрасиво отказываться от хозяйских угощений.

– Конечно-конечно, – согласно закивала госпожа Азра. – Присаживайтесь.

Тут на террасу пришел Кадир, сразу же провожая девушку в дальнюю затемненную часть террасы, чтобы показать контраст между темнотой и яркостью города и звезд на небе.

Романтик. Какой же её мальчик романтик. Даже плотские отношения хочет завернуть в романтическую шелуху, хотя чувств к этой девушке не испытывает. Разве что желание.

А что с ним будет, когда он влюбится?

Азра тяжело вздохнула.

Ей бы только успеть свести ее с нужной девушкой, чтобы сделать сыночка самым счастливым человеком на свете. Женить на правильной и любимой девушке. Что может быть прекраснее?

Завтра же Азра начнет отбор невест. Пост она передала, с утра обзвонит всех подходящих подруг с дочерьми на выданье и начнет выезжать на смотрины. Возьмет с собой Хиру, может, и ей жениха присмотрит, а то со своей учебной совсем девка вольнодумной становится. Не хватало еще, чтобы через год в прогнившую Европу запросилась.

Не бывать этому. Как пара для сына сыщется, так и Хиру просватать надо. И лучше не в соседние уезды, а в своем, родном. Это для сына надо искать невесту с приданым, деньгами и землями. Потому что богатство к богатству. А дочери, Хире, можно и за чинушечьего сына выдать. Чин – не богатство, его по наследству не передать, потому невест чиновников даже рассматривать госпожа Азра не станет. Но ученый мужчина станет опорой для дочери, а потом Кадир пристроит его в фирму.

У Азры всё было продумано, всё просчитано, и сына она своего очень хорошо знала.

– Кадир? Веди гостью к столу, – приветливо позвала мать сына. – Пусть попробует наш любимый суп «Ишкембе».

Сын обернулся, поморщился, но воспитание не позволит ему нагрубить, а ей не позволит отказаться от праздничного угощения.

Ешь, детка, требуху, досыта ешь, с чесночком, с расслабляющим эффектом. Госпожа Азра сегодня много интересных блюд приготовила, и не только.

– Зифа, пошли Эмира в винный погреб. Пусть принесет с четвертой секции нашу фирменную настойку, – распорядилась госпожа.

Ешьте, пейте, гости, языки свои развязывайте. Пусть Кадир послушает, что у вас на уме, партнеры наши зарубежные, а потом уже решает, иметь ли с вами дело.

Всё прошло как по маслу. Западные гости ели, пили, много разговаривали. В начале вечера Кадир улыбался, потом, с большей откровенностью застольных речей и развязностью девушки, улыбка сходила с его лица, пока не пропала совсем.

Девушка вела себя очень фривольно, хотя Азра знала, что это на западе называлось раскрепощенностью. Много пила, много и громко смеялась, очень откровенно вешалась на сына, не снимая ладони с внутренней стороны его бедра.

Азра примечала всё и довольно улыбалась. Давай-давай, закапывай себя, девонька. Кадир уже смотрит на меня извиняющимся взглядом, за тебя извиняется, за твои манеры, которых нет.

Но уехал сын с ней. В отель. Азра расстроилась, ведь наглядно ему показала, какова начинка этой девушки. Такую ни в один приличный дом не впустят. За такую сыну придется краснеть постоянно или держать подальше от людских глаз, как старший Килик, Ахмет, прячет свою жену Алтын. Но для хозяйки особняка прятаться не положено, Кадир должен понимать.

Господин Чинар уже отправился в спальню, возраст давал знать о себе. Стрессы на работе сказывались на здоровье, и как бы сейчас Азра ни относилась к мужу, но понимала, без него род Киликов не выстоит. Кадир еще слишком молод,

горяч. Брат Ахмет всё еще хочет вернуть наследство, пусть не себе, так хоть одному из сыновей.

Азра берегла своего мальчика как могла. Судьба не позволила ей иметь больше детей, дав родить только сына и дочь, так что и оступиться госпожа не имела права ни разу!

Зифа с помощницами еще убрали со стола, когда к дому подъехала машина. Азра тяжело привстала и выглянула за ограждение террасы. Из подъехавшего такси вышел её сын.

Торжествующая улыбка озарила лицо пожилой женщины. Да! Не остался с ней на ночь. Вернулся. Так и было задумано.

Вот теперь можно со спокойной душой отправляться спать. Утро вечера мудренее. Утром Азра составит списки семей, созвонится, узнает новости по каждой из потенциальных невест и начнет объезжать. Если Аллаху угодно, через месяц будет Кадиру достойная невеста. Тогда и помолвку объявят, и переживания материнские прекратятся...

– Мам? Ты еще не ложились?

Кадир легко взбежал по ступенькам на третий этаж, перехватывая Азру на пути к спальне.

– Не легла. После гостей убрали.

Кадир кивнул и, нахмурившись, бросил взгляд на террасу, где еще сновали Зифа с девочками.

– Задержись еще? Может, кофе выпьем в кабинете?

Госпожа Азра рассмеялась, легко хлопнув сына по руке:

– Какое мне кофе на ночь, сынок? Пойдем, просто пого-

ворим.

В кабинете Азра села на высокий диван, выжидательно поглядывая на сына. Он не мог успокоиться, мерил комнату шагами, ходил перед матерью туда-сюда, и молчал.

– Я никогда не задумывался, насколько важно выбрать правильную жену, – вдруг произнес сын, а Азра чуть не заголосила от радости, но сдержала себя, только сдержанно кивнув:

– Да, это так, мой мальчик. Весь дом, честь и репутация держатся на плечах выбранной тобой женщины. Этот груз тяжел, не каждая вынесет.

– Да, мам. Я раньше об этом не думал. Верил, что влюблюсь однажды как папа, и на той, кого не стыдно будет привести в дом.

Азра смутилась. Сперва комплименту сына, потом его наивности. Разве его папа был в нее влюблен? Вот она – да, а он... Может, не дольше месяца. А в остальном действовал холодный расчет, ничего более.

– Выбор по разуму не мешает принять и полюбить выбранную девушку, – осторожно намекнула она сыну.

Он остановился, медленно повернулся к матери:

– А если выберет сердце?

И вот тут госпожа Азра заволновалась. Она боялась спросить напрямую, неужели Кадир влюбился в эту распутную девчонку с запада?! Не опоздала ли она со сватовством?

Интуитивно схватила за сердце, страшась услышать

приговор с губ сына.

– Мама? Тебе плохо? Ты устала? А я тебя задерживаю. Прости. Пойдем провожу к отцу.

Её внимательный, заботливый мальчик. Азра растрогалась, перехватив его руку и прижав ко лбу. Кадир смутился, но не смог вытянуть кисть, присел перед матерью на колени.

– Мам, ты чего?

– Я хочу, очень хочу, чтобы твоя судьба была счастливой, мой мальчик. Но она счастливой станет только с правильной девушкой.

– Это я понимаю, мам.

– Не влюбляйся в тех, кого не сможешь ввести в дом. Не повторяй ошибок Ахмета. У твоего деда было два сына, и он сделал свой выбор, но у твоего папы выбора нет, сынок. Не подводи его. Не подводи нас.

Азра расплакалась, обнимая сына за широкие плечи и искренне беспокоясь о его будущем.

– Всё будет нормально, мам. Я подозреваю, что вообще не способен влюбиться. Все заканчивается парой встреч, и интерес гаснет.

– Просто тебе еще не встретилась та самая девушка, с которой захочется остаться на всю жизнь, – всхлипывая, проговорила Азра, чувствуя, как после слов сына её отпускает.

– Возможно, – грустно улыбнулся сын.

– Если ты не против, Кадир, я хочу присмотреть подходящих девушек. В нашем уезде и в соседних...

– Зачем?

– Тебе уже тридцать... У отца сдает здоровье, ты же сам видишь? – сын кивнул на ее слова. – Тебе нужна невеста. Я не подталкиваю тебя к свадьбе, но приглядеться стоит. А если кто понравится, то можно сыграть помолвку и подождать, пока познакомитесь поближе, узнаете друг друга, привыкнете.

Кадир промолчал. Не согласился, но и не отказался. Сердце матери ликовало!

Если уж он до сих пор не влюблен, но так пылок сердцем, кто знает – кто знает, может, матери суждено найти истинное счастье для своего сына.

Какая мать не мечтает о счастье своему ребенку?

Глава 5. Большой особняк

Она вернулась. Раньше, чем велено было оставаться. Лейсан не выдержала больше ни дня семейной жизни Айши. Она знала, что это несчастливый брак, знала, что между сестрой и её мужем нет любви, но даже представить не могла, насколько тягостно живется Айше.

Анвар Шахир-эфенди запер сестру в доме, осаждая агрессивной ревностью. Может, Айша и была хранительницей очага, но больше походила на цепную собаку, которую заставляли служить, развлекать, которую дрессировали и пинали, когда надоедало.

Айша терпела. У нее просто не было выбора. Её отдали Анвару навсегда.

– А ты не думала, что он может изменять тебе? – допытывалась Лейсан.

– Пусть. Пусть делает это с другими, чем со мной... Не говори мне ничего, Лейсан. Я не люблю его, поэтому мне всё равно. Не попадись в те же сети! Не продавай жизнь за деньги – они ничего не стоят.

Лейсан много размышляла. Про деньги и про чувства. Просто так размышлять не получалось – за Анвара она бы никогда не пошла замуж. А за Эмира?

Вот тут её раздирали сомнения. Кадир был её чувствами, а Эмир – деньгами, богатством. Ни тот, ни другой еще ни-

чего не предлагали девушке, возможно, забыли её, зато для Лейсан оба мужчины оказались хорошей иллюстрацией, как выбирать, если этот выбор настанет.

Только Лейсан терялась.

Кадир – это счастье в семье, любовь, радость, смех. Он не станут ругаться из-за одной горбушки хлеба на ужин, они не будут спорить, кому купать детей, он не ударит кулаком по столу, а она не будет плакать каждый вечер перед тем, как идти к мужу в постель.

Эмир – это свобода, положение, власть. Пусть Лейсан не станет хозяйкой особняка, зато сможет через Эмира и с помощью его денег решать вопросы. Выкупит сестру, выберет большой дом на юге для мамы, соберет там всех, сможет вкусно накормить, заплатит все долги, вылечит все болезни.

Свобода была так же притягательна, как и любовь... Жаль, нельзя получить богатство Эмира и выйти замуж за Кадира одновременно.

Лейсан грустила. А после очередного скандала в доме сестры, когда та проскулила всю ночь, но запретила даже подходить к ней, Лейсан уехала.

Не потому что на юге ее ждал выбор и мужчины, а потому что там был третий вариант – работа в доме у тётушки. Деньги, свобода, независимость и возможность когда-нибудь обрести семью, любовь и счастье.

Пример тёти Зифы, так и оставшейся к старости одино-

кой, для Лейсан был неубедителен. Значит, тётя сама не хотела менять жизнь, иметь свой дом и найти себе мужа. А у Лейсан такое желание имеется. К тому же в доме тётушки она может снова встретить Кадира, или так часто попадаться на глаза Эмира, что её судьба снова изменится.

Когда Лейсан открывала калитку в их маленький домик на юге, она для себя все решила. Её устроит любой исход: хоть внимание господина, или любовь Кадира, или служба в богатом доме за деньги. Она не будет отказываться ни от чего, что поможет ей подняться, выручить сестру, вылечить мать, купить большой дом для всех. Лейсан этого желала даже больше личного счастья, хотя мысли о Кадире тревожили её...

– Мам? – Лейсан осмотрела первый этаж, кухня и кладовка были пустыми.

Она поднялась на второй, положив сумку с вещами на кровать в своей комнате, постучала в дверь в спальню родителей:

– Мам?

Через минуту тишины она отворила дверь и убедилась, что спальня пуста. Отец на плантациях, а мама могла пойти на базар.

Лейсан спустилась вниз, разожгла плиту, сунув в топку пару поленьев, поставила чайник и набрала по телефону тётушку.

– Я вернулась, – радостно начала она.

– Рановато, – как всегда грубовато ответила тётя Зифа.

– У Айши и без меня проблем много. Нечего мне там делать, тётушка. Я уже приняла решение, чего хочу.

– Чего она хочет! – передразнила тётя Зифа. – От твоего «хочу» ничего не меняется деточка.

– Но вы же обещали!..

– Чего я тебе обещала?

– Взять помощницей в дом. Пожалуйста, тётушка!

– Мать твоя уже согласна? – вдруг сбавила оборот тётя Зифа.

– Мама? – удивилась Лейсан. – Конечно, согласна. Как она может быть против, если я деньги ей приносить буду?

Тётушка только фыркнула в трубку:

– Ладно. На этой неделе поговорю с хозяйкой, а в субботу жди с новостями в гости.

Тётя отключилась, а Лейсан подпрыгивая от радости, сбегала в сарайку, набрала охапку дров для печи и вернулась в кухню. Пока мама с отцом отсутствуют, она может что-нибудь приготовить.

До субботы Лейсан усердно вспоминала, в чем она может помочь в богатом доме. Шить умела, но ей никогда не нравилось торчать с иглой, готовила посредственно, разве что чай собирала и заваривала искусно. Уборку, глажку ненавидела всей душой, обычно всё доставалось старшей Айше, а Лейсан брала метлу и поднимала пыль столбом, за что получала от матери.

Еще Лейсан любила стирать и развешивать чистое, благоухающее бельё. В развевающихся на ветру простынях, платках было что-то магическое. Но, опять же, постоянно стирать в богатом доме – руки сотрешь до дыр.

Ходить на базар – это рисковать своей репутацией, хотя, возможно, в фартуке служанки дома Киликов её не посмеют тронуть.

Всё сводилось к тому, что решать, чем Лейсан заниматься, будет тётушка Зифа. Но девушка отлынивать не станет. Ради своего будущего она полюбит и убираться, и стирать, научится готовить.

Мать, выпросив Лейсан о поездке и жизни старшей дочери, замолчала. Настроение у нее было угнетенное, она не замечала радостного возбуждения Лейсан, погруженная в чувство вины и страха за Айшу. Поэтому очень удивилась, когда пришла её сестра Зифа.

Лейсан к приходу тётушки заварила северного чая из разнотравья, испекла печенье и купила в ближайшей лавке восточные сладости на сэкономленные от поездки деньги. Встретила тётку с нетерпением, усаживая на лучшее место, предлагая укрыться пледом, чтобы прохладный с утра ветерок не тревожил.

На удивленный взгляд матери ответила сама тётя Зифа:
– Не ждала меня? Зря я хлопотала за Лейсан перед хозяйкой?

Вот тут и понеслось. Лейсан еще повезло, что отца не бы-

ло дома, он еще до рассвета ушел на плантации, на самый напряженный сезон сбора «урожая» и нового «посева» жемчужин.

Мать категорически отказалась отдавать вторую дочь. Зифа убеждала, что это единственно верное будущее, Лейсан перекрикивала обеих женщин, доказывая, что ее жизнь – ей и принимать решение.

– Что тебе в большом доме делать? Повторять судьбу Зифы? – кричала мать, на что Зифа фыркала.

– Думаешь, моя судьба печальнее твоей? Я не прогибаюсь под нищего мужика, не плачу ночами, что дети мои повторят мою судьбу. Это плохо?

Мать закусила удила:

– Я прогибаюсь под одного, а ты гнешь спину перед каждым хозяином и хозяйкой того дома! Мне есть о ком беспокоиться, а кто побеспокоится о тебе, когда сляжешь с температурой в своем закутке?

Лейсан отступила на второй план, пока сестры мерялись, кому из них досталась доля тяжелее и хуже. Но даже этот нескончаемый спор вымотал женщин, и пришло время чая.

– Как же вкусно. Какой душистый! – нахваливала Зифа, а мать только кивала, прихлёбывая из чашки. – Однозначно поставлю тебя готовить чай и кофе господам. Они будут в восторге.

Лейсан затаила дыхание, страшась поверить.

Мать промолчала. Неужели согласилась?

– Ночевать будет в особняке, а на выходные стану отпускать её домой, – добавила тётка, цепко всматриваясь в мать.

– Понимаешь ли ты, сестра, что, случись чего с моей дочкой, я с тебя спрошу, старая ведьма?

– Спросишь-спросишь, – закивала Зифа. – А я тебе напомним, какая судьба ждала бы ее, не отпусти ты её в богатый дом. Вот, возьми.

В Лейсан полетел свернутый плотный платок, который она поймала.

– Наденешь на голову и в понедельник придешь с вещами в особняк. Платок не снимай. Фартук выдам, как придешь. Спать будешь в моей комнате.

Лейсан согласно закивала, прижимая платок, новый пока еще хрупкий мостик к своему будущему.

– Вещей много не бери. Первая неделя может оказаться с сюрпризами и капризами. Если хозяйка примет, то останешься и обживешься. А пока не расслабляйся.

– Спасибо, тётушка!

Лейсан на радостях кинулась обнимать Зифу, игнорируя поджатые губы матери. Ничего, с ней она вечером поговорит. Разложит все варианты. Надавит на жалость к Айше. Расскажет о знакомстве с господином. Намекнет на то, что встретила молодого человека, вхожего в богатый дом. Мать поймет, что все варианты судьбы дочери связаны с этим домом. Она благословит и отпустит.

До понедельника Лейсан пару раз сбегала к берегу. Мате-

ри ее выводы не понравились, ни вариант с молодым господином, ни с замужеством по любви с пловцом, ни даже вариант жить при богатой семье и честно на них работать.

– Ну почему? А что ты для меня хочешь, если ни один выход тебе не мил? – рассердилась Лейсан.

– Не знаю, доченька, просто сердце ноет и не хочет отпустить тебя в тот дом. Словно беду чувствует, – мать тихо заплакала.

Она вообще всегда тихо плакала, боясь потревожить своими чувствами мужа и дочек. Но от этого её горе не становилось менее надрывным. Вот и сейчас заплакала мать и тут же заплакала Лейсан, а ведь всего лишь какое-то глупое предчувствие.

– Мам, ну, мам, успокойся. Что там может быть для меня страшного, сама подумай? Что хозяин совратит? Так я тебе о том сказала, не такой уж он противный и не суровый, обижать меня не станет, может, еще и подарки даст.

– Дурочка, – всхлипывала мать, – какая же ты у меня еще дурочка... Думаешь, все так просто, только от ваших желаний зависит? Ан нет, моя милая. Есть еще его семья, твоя. Есть еще судьба, которая тоже может обставить тебя, дурочку, чтобы научить уму-разуму.

– Что может пойти не так? – нахмурилась Лейсан.

– Многое... Вот ты думаешь только о подарочках, которыми тебя молодой господин наградит, а о другом подарочке не думала?

– О каком? Разве не все равно, что он подарит?

– Нет, доченька. Некоторые подарки не хотят видеть, прячут с глаз долой, стыдятся всю жизнь...

Мать говорила загадками, отчего Лейсан злилась только сильнее.

– Скажи уже.

– Дитём одарит и выставит из дома, бросив на откуп монету. Куда пойдешь? Отец дверь не откроет. Ни один мужчина не примет бесполезную дочь с еще одним голодным ртом. А ребенок – то не тряпка, его не бросишь, не оставишь, не забудешь. Последнее отдашь, чтобы выкормить...

Об этой стороне вопроса Лейсан как-то не думала. У тётки детей не было, потому она и не подумала, что с ней по-другому может быть.

Дурочкой Лейсан не была, пусть не очень понимала, как между мужчиной и женщиной это происходит, но знала, как у животных бывает. Все же на скотном дворе помогать работать приходилось. А значит, чтобы уберечь себя от подобного, надо держаться от мужчин подальше.

Вот только это совершенно противоречило ее первоначальным планам. Лучше придумать что-то другое. Но что?

Мать на наводящие вопросы не отвечала, отмалчивалась или начинала жаловаться на судьбу, наградившую ее двумя дочерьми. С отцом Лейсан никогда бы не стала обсуждать такую тему. Оставалась тётя Зифа. Она прожила дольше и видела больше, а значит, подскажет, как получить желаемое, не попадая в опасные ловушки.

Но до разговора с тётушкой надо было еще дожить. Зато на берегу в воскресный день Лейсан снова увидела прыгающего со скалы Кадира.

Теперь, зная его чуть лучше, она с восхищением наблюдала за его полётом, за быстрым заплывом, сильными размашистыми гребками, и сердце замирало от восторга. В такого мужчину невозможно не влюбиться.

В этот раз он заметил ее и плыл к берегу целенаправленно. Лейсан взволновано следила, как мужчина выходит из воды, как встряхивает головой, убирая мокрые свисающие волосы с лица, как морские капли скатываются с его обнаженной кожи, оставляя влажные росчерки дорожек, как белые штаны облепляют мощные бедра и икры, совершенно не оставляя пространства для воображения.

Хотя тут Лейсан воображать не хотелось, ей абсолютно все нравилось в этом мужчине.

– Добрый день, Русалка, – начал свое приветствие улыбающийся мужчина.

Его улыбка нравилась ей еще сильнее, на севере она привыкла к хмурым лицам, а улыбающийся мужчина заставлял доверять ему, словно показывая, что у него проблем нет, что он в состоянии справиться и со своими, и с чужими. Это Лейсан очень нравилось.

– Почему же ты сбежала? Наколола себе орехов на обед, как белочка, и ушла?

Невольно Лейсан улыбалась в ответ, отвечая в том же иг-

ровом тоне, который задал мужчина.

– Не могла в тот раз остаться, ушла, чтобы вернуться.

Кадир засмеялся, подходя ближе и беря Лейсан за руку:

– А если бы не ушла, то и возвращаться не пришлось бы.

Снова её охватила предательская дрожь от его близости и тона. Разве могла она сопротивляться, когда он притягивал её к себе, разве возможно отвернуться, когда он склонял лицо к её, разве не хотела она поцелуя так же, как он?

И мир завертелся вокруг, когда губы мужчины накрыли её. В этом поцелуе не было прошлой легкости, невесомости и мимолетности. Сегодняшний был проникновенным, плотным, тягучим.

Кадир не торопился разомкнуть их губы и отпустить Лейсан от себя, а она уже не чувствовала сил стоять на ногах, те подкашивались, она повисла на шее мужчины, боясь упасть от охватившей ее слабости.

– Какая же ты чувственная, жемчужина, – остановился Кадир, дав и ей хоть немного отдышаться. – Как тебя зовут?

– Зови меня Русалкой, – кокетливо улыбнулась Лейсан и тут же охнула, сграбастанная в охапку Кадиром.

Если он и хотел разговаривать, то недолго. Целоваться с ней он хотел сильнее прежнего. Лейсан чувствовала это по настойчивости. Только и теперь характер поцелуев изменился. Кадир слишком смело раздвигал губы и проникал языком внутрь.

Это смущало, ошеломляло, но неожиданно вызывало от-

клик во всем теле. Лейсан так расслабилась в объятиях Кадира, что очнулась, когда уже лежала на гальке, а мужчина сверху придавил её телом.

– Мне надо идти, – опомнилась Лейсан, упираясь руками в горячую грудь мужчины.

О чем она думала, что в считанные секунды оказалась под ним? О какой любви она мечтала, если намерения парня так очевидны?

– Я потерял тебя на месяц! И ты снова хочешь сбежать, Русалка?

– Да, я уйду, – строго ответила Лейсан. – И когда ты в следующий раз увидишь меня в хозяйском доме – не смей приближаться.

Кажется, Кадир удивился, потому что легко выпустил ее из объятий. Лейсан вскочила, отряхнула платье и, в последний раз взглянув на мужчину, который мог бы стать ей хорошим мужем, помчалась прочь.

Нет, не готова она пуститься во все тяжкие по любви. Не готова прожить всю жизнь в нищете. Слишком много она поставила себе целей, чтобы не попытаться их осуществить.

Лейсан резко остановилась на холме, за которым скроется берег, и обернулась. Кадир стоял на том же месте, провожал ее взглядом и улыбался. А она только что приняла решение, что отдаст себя его хозяину.

Она только что млела от поцелуев одного и безжалостно выбрала другого. Но Лейсан и не смогла бы крутить с двумя

мужчинами. Положение не то и у нее, и у Эмира.

Сердце так горестно заныло, что пришлось приложить ладонь к груди, чтобы хоть чуть-чуть заглушить боль. Но, возможно, она себе напридумывала, и Кадир легко перенесет её отказ отвечать на его чувства.

* * *

Платок на волосы Лейсан накинула у порога особняка. Постучала, нервно сжимая узел с вещами на первое время. Открыла молоденькая девушка:

– Вы к кому?

– К Зифе Таировой.

– Её нет, – озадачено ответила девушка, раздумывая, впускать гостью или сказать, чтобы приходила позднее.

– Как нет? Я слишком рано пришла?

Сзади подъехала машина, Лейсан обернулась, сразу отмечая Эмира за рулем и чуть не на ходу выскочившую тётю Зифу.

– Сама пришла? А я Эмира попросила съездить со мной, забрать тебя. А Зиля говорит, сама ушла, пораньше.

Лейсан кивнула, смущаясь, что своим нетерпением упустила знак уважения господина Эмира.

– Что стоишь на пороге? Проходи, поможешь на кухне с завтраком, а потом подберем тебе работу. В доме всегда рабочих рук не хватает, хозяйка вечно жалуется. Проходи-про-

ходи.

Тётушка подхватила Лейсан под локоть и втокнула внутрь мимо удивленной девушки. Лейсан ей улыбнулась, надеясь, что вскоре они подружатся, ведь им работать бок о бок много лет!

Узел забрала тётушка и послала Лейсан разбирать и отваривать фасоль.

– Вари в подсолённой воде, так она быстрее размякнет.

Лейсан перебрала фасоль, взяла мерную кастрюлю, поставила отваривать, но ведь сидеть и ждать в первый рабочий день, когда отварится фасоль, так не хочется!

Поэтому она помогала девушкам, хотя скорее мешалась под ногами, так как ей еще предстояло выучить, где и что лежит. Взбивала сливки, когда ей велели, готовила омлет, когда распорядились, и под конец тётя Зифа начала быстро отдавать короткие распоряжения, чтобы накрыть стол и обслужить хозяев.

– Ты не ходи наверх, пока рано, – сообщила она Лейсан. – Девочки сегодня сами справятся, а тебя не буду лишней раз на глаза госпоже ставить. Завари пока чай, как ты умеешь. Принесла с собой сборы?

– Ой, нет, ты же не сказала...

– Не сказала. Хотела посмотреть, сообразишь ли сама подчеркнуть свои сильные стороны. Но зелена ты еще, девка, зелена. Смотри, где я свои чай и травы держу.

Тётушка проворно подставила низкую табуретку под но-

ги, встала на нее и потянулась к высоко висящему шкафу. Там в разных баночках стояли на выбор чай и сборы, с приклеенным и подписанным пластырем на каждой.

– Вот. Отсюда будешь брать и заваривать. И не забывай пополнять! Это теперь твоя ответственность, поняла?

Лейсан кивнула, уже протягивая руку к полкам. В отличие от тётки, ей табурет не пригодился, рост позволял взять любую баночку даже с самой верхней полки.

– А фартук я забыла тебе выдать! Сейчас принесу из прачечной.

Пока тётушка ушла за форменным фартуком, Лейсан начала свою магию. Поставила на плиту большой чайник с родниковой водой, нагрела два заварочных, из трех банок смешала состав и приготовила их к заварке.

Вот тогда оно и случилось...

Сзади подкрался мужчина и резко вцепился в талию Лейсан, напугав её до чертиков! Она завизжала, опрокинув чашку с кипятком.

– Эй-эй! Что ты как ошпаренная? – мужчина мигом отступил, поднимая руки вверх, словно только что не лапал девушку.

– Всё нормально? – в кухню вбежал Эмир.

– Да, – Лейсан опустила голову, боясь при господине накинуться на нахала, распускающего руки.

Но Эмир, увидев, чем занималась Лейсан, еще больше встревожился:

– Не обожглась?

Нахал не думал убежать поджав хвост, он с интересом смотрел за Лейсан и Эмиром, протягивающем ей полотенце.

– Чья эта девка?

– Племянница тётушки Зифы, – ответил Эмир.

– Теперь экономка нам в дом еще и сдобные булочки поставляет? – грязно захыкал мужчина. – Кто же надкусит твой бочок первым, а, светлоглазая?

Лейсан передернулась, из-под бровей разглядывая нахала.

Упитанный, холеный, в дорогой одежде и отпечатком достатка на лице. Возможно, брат Эмира. Дерзить при нем будет неблагоразумно, он сразу решит, что воспитана она неправильно. Лучше и дальше оставаться в его глазах скромной и тихой девушкой.

– Господин Хакан, Лейсан здесь работать будет. По хозяйству.

– Лейсан?.. Ах, Лейсан...

Девушке не понравилась его слащавая улыбка и липкий взгляд, которым он окинул ее фигуру, непроизвольно она заступила за спину Эмира, словно прячась.

– Думаю, господин не одобрит заигрывания с прислугой, – холоднее и четче произнес Эмир.

Настроение Хакана тоже изменилось:

– Господин? Значит, снова его проделки, – он ухмыльнулся. – Ну-ну, посмотрим...

И ушел как раз в тот момент, когда вернулась тётя, про-

тягивая Лейсан фартук.

– Что тут было?

– Всё хорошо, тётушка, – вмешался Эмир. – Господин Хакан вряд ли снова сунется к Лейсан.

– Спасибо тебе, сынок. Спасибо, Эмир, за мою девочку.

Он только кивнул и вышел с кухни, куда девушки уже внесли грязные тарелки на подносах.

– Время чая и кофе, – хлопнула в ладоши тетушка Зифа. – У тебя все готово?

– Почти, – ответила Лейсан. – Сейчас все будет. Травяной с мятой и черный с корицей.

– Умница ты моя, – ободряюще улыбнулась Зифа. – Тогда заваривай, отдавай чайники девчоночкам и убери здесь битое стекло. Потом примемся за посуду. Посуду моем по графику. Завтрак возьми на себя сегодня. С тарелками аккуратнее, не перебей.

Все это тётушка выдала коротко, указаниями, по-деловому, и все быстро включились в работу, забыв про случившееся.

Но Лейсан, намыливая тарелки, все не могла выкинуть из головы Эмира. Как он тактично и мягко осадил брата! Мог бы, как хозяин, просто запретить тому смотреть в сторону Лейсан, но Эмир вежливо объяснил, так что брат понял и ушел.

А вот Лейсан осталась впечатлена этим поступком. Эмир хоть и господин, но такой добросердечный. Она могла бы

влюбиться в него.

Если бы чуть раньше не встретила Кадира...

Глава 6. Теплое море – холодный омут

За день Лейсан устала. Когда тётушка отправила ее на задний двор снять сухие простыни, она пару раз споткнулась и чуть не упала. Все мысли были, как бы скорее закончился день и её отпустили спать.

Без отдыха, без передышки – девушка так не работала никогда. Даже на севере. Из-за усталости она не могла думать, такое ли правильное было решение идти работать в богатый дом.

Тётка была права – рук не хватало. После завтрака она с девушками застилала постели, меняла полотенца, простыни. Проветривала и стирала пыль, пылесосила и проходилась шваброй по углам влажной уборкой. Затем снова парилась в кухне, готовя обед.

Когда Лейсан выпроводили во внутренний дворик чистить овощи и перебирать крупу, она обрадовалась, что может делать это на свежем воздухе.

Но потом – опять жаркая и душная кухня, горячие чайники, грязные тарелки и супницы, уборка общих комнат и комнат для отдыха, пока хозяева отдыхают в убранных спальнях.

Недолгий перерыв для отдыха, и снова подготовка к ужину, уборка после ужина, уборка двора и подсобных помеще-

ний...

И Лейсан понимала, что это еще не всё! Что необходимо еще мыть окна, стирать и гладить белье, разбирать летние и зимние вещи на хранение, чистить обувь, хрусталь и серебро, забивать кладовые и вычищать их...

И так каждый день. И так изо дня в день без выходных и отпусков. На всю жизнь!

Лейсан закатила глаза к небу, снова споткнулась и упала бы, не поддержи ее мужские руки.

– Ой!

– Русалка? Ты снова здесь?

Удивленный взгляд и голос Кадира.

И Лейсан снова предательски тонет в его глазах, сжимает удерживающие ее руки, тянется к нему.

Но тут же отталкивает. Сейчас каждый ее поступок имеет значение. Каждое слово и каждый жест. Нельзя быть слабой, нельзя быть зависимой.

Она отступила нахмурившись, сжимая корзину с собранным сухим бельем.

– Я здесь работаю.

– Так далеко от моря? – шутливо переспросил Кадир.

– Кто-то должен делать работу и на суше, – возразила она, чувствуя, как поддается его обаянию.

– Верно, прости, я не подумал.

Он снова улыбнулся, забирая у нее корзину и провожая до крыльца.

– Сегодня нам подавали изумительный чай, – вдруг произнес Кадир. – Тётушка Зифа обмолвилась, что это новенькая работница творит с чаем волшебство, раскрывая его вкус...

Лейсан засмушалась от его похвалы.

– Значит, это ты? Русалка-волшебница?

– Спасибо. Я рада, что вы попробовали мой чай. Надеюсь, госпоже с господином он тоже понравился.

– Полагаю, понравился, – его улыбка стала немного таинственной.

– Знаю, что госпожа Азра предпочитает чай. А господин Эмир? Не знаете?

Кадир остановился и прищурился, продолжая улыбаться:

– Господин?

– Да.

– Эмир? – он приподнял одну бровь, отчего выражение лица стало немного насмешливым.

– Ну да.

– Ты говорила, что ненавидишь его, – вдруг вспомнил Кадир обиду Лейсан.

– Нет, я просто разозлилась в тот раз, – смутилась девушка. – Как я могу ненавидеть или обижаться на господина?

Кадир покивал головой, не переставая улыбаться.

– А когда на меня разозлишься, то будешь обижаться и ненавидеть?

– Да, – выскочило из Лейсан. – Нет, – тут же исправилась она.

– Так да или нет?

– Просто сейчас всё сложно, Кадир. Мне не хотелось бы еще больше усложнять.

– Ага! Значит, ты знаешь мое имя! – удивился мужчина.

– Конечно, так вас позвала тётушка, когда я чистила чеснок и орехи.

– Точно...

Кадир застыл в дверях, не давая пройти Лейсан и не двигаясь сам. Она ждала, тайком рассматривая его и млея от близости, от запаха своего мужчины.

Он пах чистотой, легким ароматом парфюма и более сильно – мужским мускусным запахом. Лейсан хотелось прикрыть глаза и дышать, дышать им, ни о чем не думая, не заботясь о последствиях.

– Знаешь, – вдруг заговорил Кадир, – при рождении мужчинам дают два имени.

Лейсан кивнула. Не только мужчинам, но и девушкам дают два имени. Только на юге это было связано с религией, а на севере все еще цеплялись за русские корни. Вот почему у Лейсан и Айши было еще по второму, русскому имени, Леся и Анна.

– Ты удивишься, но обращаются к Эмиру...

– Господину Эмиру, – поправила Лейсан.

Кадир хмыкнул, но исправился:

– Да, к господину Эмиру обращаются по первому имени, но иногда между собой зовут вторым.

– Каким? – Лейсан хотелось узнать об Эмире побольше, чтобы случайно не попасть впросак.

– Господином Кадиром.

– Ого...

– Да. Вот такое странное совпадение, – усмехнулся Кадир. – Чтобы не путать нас, можешь обращаться ко мне Озгюр.

Лейсан засмеялась, забирая у мужчины корзину:

– Пожалуй, я буду звать господина Эмиром, а от вас, Кадир-Озгюр, буду держаться подальше!

– Но почему?!

– Чтобы не перепутать хозяина со слугой, – засмеялась Лейсан и прошмыгнула мимо ошарашенного мужчины.

Лейсан лежала в комнате тётушки без сил, но от эмоционального перевозбуждения совсем не могла уснуть. А еще удивлялась тётке, которая ни минуты не отдыхала, как и все, но все еще где-то ходила, что-то проверяла и не ложилась.

В своей комнате для племянницы она поставила вторую кровать, заставив вынести топчан в прачечную. Лейсан чувствовала, что стесняет тётушку, но первый месяц высовываться и проявлять инициативу поостереглась. Девушки-помощницы приняли ее не так радушно, хотя работы на всех хватало.

Но из головы не выходила не работа, за нее Лейсан теперь не переживала, а Кадир.

Он ее заметил, подошел, заговорил. И теперь, в хозяйском

доме, вел себя прилично и не лез целоваться. Хотя Лейсан ждала. Каждую минуту ждала, что сейчас он обхватит ладонями ее плечи, прижмет к себе и поцелует. Но он не стал. Не набросился, не повел себя как типичный южный мужчина, отчего у Лейсан снова зашевелились мечты, что они могут быть вместе, могут быть счастливы...

От этого постоянного метания между Эмиром и Кадиром, между умом и сердцем ни сон, ни отдых не шел. Даже когда в комнату вернулась тетя Зифа, Лейсан только притворилась спящей, а потом продолжила вглядываться в огромную полную луну, думая, как же поступить простой северной девушке, когда так разрывает желание иметь и то, и другое.

Утро неожиданно все расставило по своим местам.

В дверь постучал господин Эмир, вызывая тётушку:

– Свари мне кофе. С утра много разъездов, хочу взбодриться.

Голос Эмира изменился, вместо мягкого и вежливого стал жестким и властным. Такого Эмира Лейсан еще не знала, но понимала, что хозяин и господин не может быть постоянно мягким и сердечным, тогда никто уважать его не станет.

– Пусть Лейсан сварит, – вдруг сказал он, останавливая тётушку на пороге.

– Она по чаям больше...

– Пусть учится варить кофе, – оборвал Эмир тётю, развернулся и ушел.

Лейсан, не дожидаясь слов тёти, вскочила и взяла платье,

фартук.

– Сейчас умоюсь и сварю кофе. Мне не трудно. Я умею, – успела сказать она под задумчивый взгляд тёти Зифы.

– Странно это все...

– Что?

– Ничего, дочка, беги умывайся, а я сама разберусь, что на этот раз затеяли мальчишки. Какую игру.

Лейсан уже стояла у плиты и следила за кофе, когда на кухню вошел Эмир и, не улыбаясь, рассматривал её.

– Я не знаю вашего вкуса, господин, но решила сварить с солью и корицей. Попробуете? – заговорила девушка.

Он кивнул, повторив за ней:

– Господин, хм...

Лейсан улыбнулась, надеясь сгладить своё неоправданное оживление утром. Налила чашечку готового кофе и протянула Эмиру.

Тот взял чашку, коснувшись руки Лейсан и на секунду продлив прикосновение, чтобы она не сочла его случайным.

Ну вот. Подтверждается. Лейсан еще ночью решила, что если не дождется знаков внимания от господина Эмира, то ответит на чувства Кадира. Если же Эмир захочет ее приблизить, то она не сможет быть с Кадиром. Такого не прощают даже девушкам чистых кровей, не то, что северянкам.

На севере ходили байки, что людей до сих пор продают в рабы. Шутки шутками, но когда права ограничены так, что чувствуется даже на севере, далеко от надзора султаната, что

говорить о юге, где любой человек может попасть в невыносимую ситуацию, когда продаст свою свободу и жизнь.

Лейсан не сомневалась, что для утратившей честь и совесть девушки не будет даже выбора. Свободу просто отнимут, а захотят, отнимут и жизнь.

– Жесткий кофе. В следующий раз свари так же, только без корицы.

– Как скажете, господин, – улыбнулась Лейсан, а вот Эмир так ни разу и не улыбнулся.

Он вышел, когда на кухню пришла тётушка и неожиданно заглянул Кадир:

– Тётушка? Чувствую запах кофе! Мне бы тоже угоститься.

Лейсан невольно стояла и гладела на улыбающегося мужчину. Было ли у него так, чтобы нахмуриться и не разрядить обстановку улыбкой?

Кадир казался таким легким и немного наглым, потому что вел себя не соответственно своему положению. Но от этого нравился Лейсан еще сильнее. Эта его дерзость, самоуверенность, храбрость!

Лейсан вздохнула и отвернулась, чтобы помыть турку и сварить кофе для Кадира, пока тётушка выспрашивала его о планах на день, о самочувствии, о сне ночью.

– Всё хорошо, тётушка, не волнуйся ты так о простом рабочем парне, – ухмылялся мужчина, поглядывая на Лейсан, настроение которой все больше портилось.

Как, ну как ей отказаться от такого бравого парня, с которым она была бы счастлива всю жизнь? Сердце изнывало и рвалось на части. Иногда накрывает предчувствие, что именно этот мужчина предназначен тебе судьбой, что вы связаны с момента появления на свет, что между вами протянуты нити, которые не разорвать всю жизнь, которые начинают болеть, если натянуты, как струны, из-за расстояния между вами, из-за непонимания, обид и предательств.

Вот и сейчас Лейсан чувствовала, как связывающие их с Кадиром нити напряжены из-за ее упрямства стать любимицей господина.

Может, отдать все на волю судьбы?

Она тут же покачала головой. Нет, нельзя плыть по течению. Для таких, как она, судьба ничего хорошего не припасла.

Кадир выпил кофе, отвечая на вопросы тётушки, и ушел, оставляя женщин на кухне. На пороге он оглянулся, поймал взгляд Лейсан и подмигнул ей.

– Сегодня очередные смотрины, – одернула племянницу Зифа. – До обеда приедет уважаемая богатая семья со старшими дочерьями. Уборку начинаем сразу после завтрака с общих комнат. Пойду поднимать девушек, заспались они.

– Смотрины? – очнулась Лейсан. – А для кого?

– Хозяйка невесту господину Кадиру ищет, – тут тётушка осеклась, внимательно взглядываясь в Лейсан, но та только кивнула.

Ведь ее предупредили, что у господина Эмира есть второе имя и его легко перепутать с именем простого работника.

– Тогда начинай готовить завтрак. А я, как спущусь, замешу лепешки на смотрины. Испечешь пиде на внутреннем дворе в печи.

Лейсан кивнула, доставая решетку с яйцами для омлета и яичницы, а тётушка Зифа пошла на четвертый чердачный этаж будить помощниц.

Судя по ее планам, день сегодня будет еще суматошнее, но Лейсан только улыбнулась. Ей нравилось в богатом доме. Всё нравилось!

* * *

Азра

Настроение с утра было испорчено. Кадир, не дождавшись завтрака, умчался в офис, забирая на весь день водителя Эмира. Нет, Азра не собиралась сегодня выезжать, наоборот, это к ней приедут долгожданные гости, которых невероятными усилиями удалось заманить из самой столицы в их уезд.

Бекир Доган был известным банкиром и уважаемым человеком. Азра за месяц перебрала все ближние почтенные семейства, познакомилась с десятком потенциальных претенденток, но всегда находился некий недочет, который ставил на невесте крест.

Одна была увлечена западом, отчего демонстрировала

неприемлемые манеры. Другая училась и без такта влезала в разговор взрослых. Третья сильно засиделась в девках, и Азра подозревала, что семья что-то скрывает про дочь. Четвертая оказалась страшной. Пусть с лица воды не пить, но Азра пожалела Кадира. Хоть и семья девушки была достойной, но ведь госпоже внуков нянчить, а если они пойдут в мать? Сможет ли она полюбить их?

И так по каждой. Если не было изъянов в дочери, значит находился недостаток в семье. Если к семье придраться невозможно, значит невеста с изъяном.

Вот так, перебирая свой уезд и соседние, Азра дошла до столицы. А с кого же начинать, как не с достойнейших?

Семья Доган приняла все дары, что переслала им госпожа Азра. В этом она и не сомневалась, кто откажется от отборного жемчуга Киликов и от свежайших морепродуктов к ужину в столице?

Позже Азра свела знакомство с госпожой Айсель Доган. Созванивалась с ней, советовалась по тем и другим вопросам, проявляя уважение к ее мнению. И только недели две спустя между ними завязался разговор о взрослом сыне Азры и двух дочках на выданье Айсель. Конечно, они пришли к обоюдной идее познакомить молодых.

Как радовалась Азра, что всё так легко и гладко прошло! И вот счастливый день их приезда. Азра с утра волновалась, чтобы гостей встретили достойно. У нее был двухэтапный план. Вначале свести знакомство за чаем днем, а позже за-

манить своих мужчин на совместный ужин, где молодые поглядят друг на друга и, может быть, сами заинтересуются.

Но Кадир уехал с утра, определенно пропустит обед и явится ли на ужин?

Несмотря на их давний разговор, любое причастие к отбору невест он избегал. То работа, то встреча с друзьями, то важная командировка, то он устал, то ему нужно лично присутствовать на плантациях...

Азра устала охотиться за ним. А сегодня не тот день, чтобы пренебрегать знакомством!

– Зифа! Зифа, где тебя носит?! Что с угощениями?

– Все варится-парится, – Зифа вытирала ладони о фартук, оставляя на нем следы.

– Перед приходом гостей надень на всех новые фартуки. И сама смени, – брезгливо отметила Азра.

– Конечно, госпожа.

– Что с напитками?

– Все закуплено, охлаждено, квас поставлен, айран, раки, щербет, кофе подадим, – перечисляла экономка, загибая пальцы.

– Хорошо-хорошо, – отмахнулась Азра. – Чай. Пусть новая твоя опять чай смешает, заварит. Пусть удивит. Скажи, госпожа велела постараться. Если понравится ее чай гостям, решено, оставляю ее при доме.

Зифа вскинулась, видно было, что обрадовалась, но сдержалась и спокойно поблагодарила.

Азра поджала губы. Не любила она вот этого семейного подряда, но ради верной Зифы готова была сделать исключение. Да и девчонка молодая, глупая, только с севера. Без защиты дома Киликов моментально влипнет в неприятности на юге.

– Иди, распорядись.

– Да, да, госпожа. Она как раз пиде печет во дворе.

– Проверь, чтоб не сожгла.

Зифа убежала, а Азра поднялась на террасу. День намечался жаркий, чай здесь не накроешь, в доме душно будет. Может, в саду?

– Зифа! Зифа?! Тебя только за койотами посылать!

Азра подошла к поручням террасы и перегнулась. Зифа сообразила и вышла во внутренний двор, задирая голову и прикрывая глаза от солнца.

– Накроешь гостям в саду. Слышала?

Та кивнула.

– В саду! – повторила Азра, отошла от перил и набрала по телефону сына.

Пусть он прогуляет обед, но от ужина не отвертится.

Завтрак прошел в спешке. Азра всегда удивлялась, как при своей жадности до денег и влияния брат Чинара, Ахмет, был ленив и слаб до комфорта. Сын уехал, господин Чинар отказался от завтрака, пообещав перекусить в офисе, зато Ахмет с обоими сыновьями вышел к столу и завтракал, не торопясь на работу.

Азра презирала старшего брата и его недостойную семью. Ахмет считал, что дом и фирма по праву принадлежат ему. Он оспаривал каждое решение и каждое действие Чинара, как обычно, ничего не предлагая взамен.

Но прошлое не стирается! Пусть Ахмет и выкинул нечистую из семьи, взял Алтын в жены, но люди запомнили его связь с недостойной. Запомнили его выбор и вызов обществу. Такие ошибки не прощаются.

Алтын – типичная бездельница и нахлебница, но хотя бы не амбициозная. С ее стороны Азра противодействия не боялась. Может, и мечтала она стать хозяйкой особняка, но слишком ленивая была, чтобы попытаться отнять власть у Азры. А ее устраивало, что Алтын носа из комнаты не высовывает, выходит только к столу четыре раза в день.

Племянники по мужу – это отдельная боль госпожи Азры. Кадир, мальчик, у нее один, а этих шакалов, жадных до денег и положения – двое. И они никогда не упускают шанса поставить её сыну подножку.

Азра молча наблюдала за родственничками, негодуя в душе, что в дань традициям и порядкам не может выставить их из особняка. Так и сынок ее будет делить крышу со своими кузенами и их женами.

– Сегодня гости ко мне приедут. На чай до обеда. Накроют в саду. Вас не зову. Это исключительно по делам нашей семьи, – произнесла Азра в конце завтрака.

– А мы одна семья, сноха, – тут же вскинулся Ахмет. –

Что за гости?

– Из столицы. Сватья, – пошла в наступление Азра.

– Как же на сватовство и не позвать нас? – влез старший сын Ахмета Хакан, противный, въедливый и крайне неприятный Азре.

– То не сватовство еще, а предварительные смотрины, – отрезала она. – Будет помолвка – вы получите приглашение.

– А как так отстранить нас от чаепития в саду, тётушка Азра? – ухмыльнулся Хакан. – Дом наш, семья наша, а невеста... Где Кадиру-братцу не подойдет, может и нам сгодится?

Мерзкий парень подмигнул братцу, явно подбивая того поступить наперекор Азре.

– Дом наш, а хозяйка в нем я! – рявкнула она на молодежь. – Сказано, не выходить к чаю – ни одного видеть в саду возле гостей не желаю!

Она припечатала ладонью по столешнице, встала и ушла в свою комнату. От всех этих нервных потрясений сердечко начинало пошаливать. Раз она отошла от общественной деятельности и от комитета, не позволит доводить ее в собственном доме.

– Зифа, Зифа? – слабым голосом позвала она экономку, набрав ее по телефону. – В спальне я. Пусть новенькая...

– Лейсан.

– Да как угодно! – не сдержалась хозяйка. – Пусть заварит что-нибудь тонизирующее и успокаивающее.

– Передам. А что больше нужно? Для сил или для покоя?

Боюсь, смешивать их неудачная идея.

– Мне для сил, гостей принять и не сорваться на дармоедов в доме! – снова сорвалась Азра.

– Таблетки выпили, госпожа?

– Не контролируй меня. Я сама знаю, когда и что принимать.

– Конечно, хозяйка. Сейчас Лейсан заварит нужный чай.

Вот и славно. А в комнату Алтын пусть отнесет усыпляющий чай. Пусть отыщет чего надо, Азра отблагодарит, если новенькая усыпит этих упырей до завтрашнего дня!

Девушка оказалась миловидной, говорящей с сильно выраженным северным акцентом, но изящной и аккуратной. А главное, её чаи сразу исправляли настроение госпожи и всегда нравились её гостям.

– Хорошо разбираешься в травах?

Девушка неуверенно кивнула.

– Сможешь сделать сильный усыпляющий?

Помотала головой, но, видя недовольство хозяйки, сразу пояснила:

– В чае никак нужное количество не заварить, горький слишком получится, как настойка... Травы же с мягким эффектом.

– Тогда добавь в чай это, – Азра передала таблетки девушке. – Напой чаем госпожу Алтын и ее сыновей, кто в доме остался.

– В обед? – уточнила девушка.

– До гостей! – что за непонятливая, раз хозяйка сейчас просит, сейчас и исполнять надо.

– Но... как же я их напою, если они не просят чая? – растерялась она.

– Придумай, предложи. Мне тебя учить? Не сообразишь сама – пусть Зифа подскажет. Она же тебе родня?

Девушка кивнула, и госпожа жестом ее отпустила. Теперь – выпить чай, успокоиться и достойно встретить гостей.

К моменту их приезда госпожа Азра переделалась в подobaющее платье, надела золото на руки и шею, сменила серьги, критично осмотрела себя в зеркале, поправляя пучок и приглаживая волосы на голове до идеала.

Вышла в сад, проверила накрытый стол и потребовала окурить вокруг от мух и пчел. Вызвала новенькую, удовлетворенно улыбнулась, приняв ее ответ, что та чаем угостила и Алтын, и обоих ее сыновей.

Лишь на мгновение нахмурилась, увидев, как Хакан нетвердой походкой выходит из дома, окидывает собравшихся во внутреннем дворике и зычно зовет Эмира.

– Нет его, с Кадиром с утра уехал, – ответила госпожа, злясь, что Хакан так не вовремя спустился.

– А, дьявол! Сам поведу.

Его снова качнуло, но он вышел за ворота, чем вызвал вздох облегчения госпожи.

Она сурово посмотрела на новенькую. Лейсан, кажется. Все же могла бы дать дозу такому крупному мужчине по-

больше! А она наверняка все смешала в один чайник и разлила каждому по чашке. Ну что такое! Не проследишь – знай, всё испортят.

– Едут! Едут!

Парнишка, выставленный на перекресток и следящий за въезжающими на холм, влетел во двор, заставляя всех суетливо подобраться, лишним уйти со двора, а хозяйку особняка схватиться за сердце.

Вот тот момент. Возможно, поворотный в судьбе её сына.

Где же господин Чинар? Он обещал приехать к знакомству с банкиром и его семьей.

– Зифа? Срочно звони господину Чинару и не отходи от меня ни на шаг.

– Как скажете, госпожа.

Она тут же достала телефон и набрала номер.

Немного подумав, Азра вышла за ворота, гостеприимно улыбаясь подъехавшим гостям. Господину и госпоже Доган, их двум высоким, красивым дочерям, истинным девушкам юга.

Да за свадьбу с любой из них с Кадиром мать отдала бы сердце! Дай Аллах, хоть одна из девушек подойдет её мальчику.

– Проходите, дорогие, проходите. Устали с дороги? Сейчас отдохнете в саду, в тенечке. Там свежий ветерок. У нас всегда ветерок, – зазывала госпожа Азра, приветствуя гостей.

– Хороший дом, построен стратегически, – отметил Бекир

Доган. – Летом прохладно.

– А зимой мы топим, – улыбнулась Азра, предвосхищая его вопрос. – Проходите, осмотрите. Мой дом – ваш дом.

Так сладко Азра еще никому в своей жизни не улыбалась. Она обласкала взглядом каждую девушку, не нашла ни одного изъяна. Каждая была безупречна. Красива, стройна, скромна, достойно одета. Госпожа была уверена, что и к манерам девушек не придраться. Не из той они семьи, чтобы позорить род и фамилию.

Гостей проводили в сад, подали прохладительные напитки.

– Ну что там? – тихо дернула Азра экономку.

– Что-то у них с совещанием не заладилось, господин Хакан не приехал, – в ответ прошептала Зифа.

– Как не приехал? Что за остолоп? Ну а господин Чинар когда явится?

– Уже выехал.

– Так бы сразу и сказала! Зачем мне про Хакана и совещание знать?

Вот выведет же!

Зифа отошла, а хозяйка сосредоточилась на гостях, угощая их приготовленными блюдами, испеченными лепешками, охлажденными напитками, выпрашивая о семье, о бизнесе, об интересах.

Азра цепко наблюдала за поведением девушек, но они были безупречны во всем. Сердце пело! Лишь бы господин Чи-

нар одобрил и Кадир не испортил все в последнюю минуту.

Старшая дочь была старше младшей всего на пару лет. Разницы и незаметно. Старшая Эсма казалась серьезной, сосредоточенной на разговоре. Азра пару раз ловила на себе её любопытный, изучающий взгляд, и он ей нравился. Внимательность Эсмы нравилась.

Младшая Мирай, наоборот, не проявляла участия, довольно пассивно пробуя яства и витая где-то в мыслях. Немного рассеянная, невнимательная и нелюбопытная.

Но при этом Эсма определенно могла принять власть и стать хозяйкой этого дома, а Мирай скорее стала бы послушной женой Кадиру, мягкой, уютной, не ставящей слова поперек. А ведь Азре нужна была преемница!

Это беспокоило. Там, где мать выбрала бы старшую, Кадир запросто может клюнуть на утонченность и покладистость.

Приехал господин Чинар и перехватил инициативность жены за столом, с радостью общаясь с господином Доган. Азра увлекла разговором Айсель, отмечая, что Эсма с удовольствием отвечает на вопросы, поддерживает мать, сама интересуется. А вот Мирай так и осталась сидеть, словно в стороне.

Вот бы на ужин и знакомство с Кадиром взять только Эсму! Чтобы выбора у него и сравнения не возникло. Но как скажешь уважаемым людям, что из двух дочек подходящей госпожа Азра сочла только старшую? Не скажешь. А ска-

жешь, так оскорбишь.

Придется как-то Кадира обработать, чтобы заранее очертить Мирай. До вечера время есть, Азра что-нибудь придумает.

Чаепитие перешло в обед. Ни Алтын, ни её сыновья не вышли. Ахмет остался в офисе, заменить господина Чинара. Пока все шло отлично.

Гости остались довольны, время ужина и знакомства подтвердили, Азра только-только вздохнула свободно, провожая дорогих гостей, когда свалилось новое несчастье.

Она как раз сидела на диване второго этажа и звонила в ресторан, чтобы утвердить меню на ужин, когда из крыла, где располагались комнаты семьи старшего брата, раздался крик Алтын. Громкий, душераздирающий.

Азра отключила звонок:

– Ну что еще? – проворчала она, уже слыша топот ног снизу.

На этаж влетела встревоженная Зифа с одной из девушек и по жесту госпожи сразу помчалась к комнате Алтын. Сразу же раздался вой и плач снохи, а следом причитания Зифы.

Да скажет же кто-нибудь наконец, что стряслось?

Госпожа Азра поднялась с дивана и сама направилась на шум.

– Что? Что вы ревете, как росомахи?

– Хакан, – невнятно простонала Алтын.

– Что Хакан?

– Хакан разбился на машине, госпожа. Он в больнице.

Азра схватилась за сердце!

– Что с ним? – вскричала она.

– Мы не знаем. Когда звонили из полиции, госпожа Алтын спала, – ответила Зифа, прижимая женщину к груди, успокаивая ее. – А сейчас сказали только, что господин Хакан в больнице.

– Так едем! Немедленно! Ахмету и Кадиру сообщили?

Зифа покачала головой.

– Срочно! Сообщите и едем.

Азра добежала до комнаты, накидывая на плечи шаль и проверяя сумочку с документами и деньгами, когда ее пронзила запоздалая мысль. Если кто узнает, что это она подмешала снотворное Хакану, ей не простят! Никто не должен узнать... Надо немедленно найти ту девчонку. Лейсан? Да, Лейсан. Пусть попробует проговориться – Азра с лица земли ее сотрет!

Глава 7. Двойное гостеприимство

Лейсан колотило. Она еще не знала, что произошло с господином Хаканом, зато хозяйка пригнула до земли, взвалив вину за случившееся.

Она не знала, что делать. Работает всего третий день, все исполняет как просят, и за это же обвиняют!

Тётя Зифа уехала в больницу вместе с семьей, Лейсан пыталась отключиться от проблем, помогая девушкам убрать со стола, помыть посуду, прибраться в саду. Но ее душил страх. Если всем станет известно, что именно она опоила госпожу Алтын и ее сыновей. Что она подсыпала снотворное в чай господина Хакана!..

У Лейсан не будет защиты. Её прибьют и выкинут в море на съедение акулам.

Подавленная произошедшими событиями, она сидела во внутреннем дворике и чистила печь, когда ее нашел Эмир.

– Как он? – вскочила Лейсан, делая шаг навстречу.

– Кто?

– Господин Хакан?

Эмир нахмурился, почему-то обернулся, поглядел за спину, но Лейсан смотрела только на него.

– Нормально, – растерянно произнес он.

Эмир явно что-то хотел сделать или сказать, но не решился. Лейсан ждала. То, что господин Хакан в порядке, взбод-

рило её, но растерянность Эмира настораживала.

Вот он сжал сильнее губы, протянул к Лейсан руку и сжал выше локтя. Девушка удивилась, но молчала, выжидая, что господин предпримет дальше.

Он приблизился, встав еще ближе к ней, и снова нервно оглянулся.

– Что-то не так? – прошептала Лейсан, внезапно севшим голосом.

– Ненавижу так поступать, – сквозь зубы проговорил Эмир и резко дернул Лейсан на себя, так, что она потеряла равновесие и упала ему на грудь.

Жесткие губы тут же прижались к её, и время на мгновение остановилось.

Нет, Лейсан не было неприятно, скорее удивительно, необычно, странно. Эмир не делал попыток сделать поцелуй интимней. Они просто стояли очень близко друг к другу и дышали одним дыханием, не размыкая губ, пока Эмир не отстранился, помогая Лейсан встать и обрести равновесие.

– Прости, – проговорил Эмир, пряча глаза. – Вот.

Поспешно развернулся и ушел.

Лейсан, оглушенная произошедшим, опустилась на низкую скамейку, прижав пальцы к губам.

Что... Что всё это значит?

Руки дрожали, на глаза наворачивались слёзы. Лейсан запуталась, ничего не понимала. Сначала господин Хакан, потом угрозы хозяйки дома, теперь поцелуй Эмира. Что же ей

делать? Как удержаться и не наделать бед?

– Русалка? – улыбчивый Кадир появился откуда-то сбоку. Лейсан отвернулась, украдкой смахивая слезы.

Он присел рядом и повернул ее лицо к себе, удерживая пальцами за подбородок. По-прежнему улыбался, но улыбка была грустной.

– Что тебя расстроило? Внимание хозяина?

Лейсан вздрогнула:

– Ты видел?

Он усмехнулся:

– Да, проходил мимо, но не стал мешать.

Лейсан мотнула головой, освобождаясь от его руки:

– П-почему?

– Ведь ты сама сказала, чтобы я тебе не мешал, чтобы не приближался.

– Я не говорила, – смутилась Лейсан.

– Да, ты сказала по-другому, – согласился Кадир. – Что на хозяйского сына обижаться не можешь, а на меня злишься.

Девушка промолчала, только удивляясь, как тонко мужчина почувствовал её метания, хотя она никогда бы не посмела поделиться таким вслух.

– Поэтому я не мешал. Дал тебе время разобраться в своих чувствах к господину Эмиру, – усмехнулся Кадир.

– Нет у меня к нему никаких чувств, – с горячностью возразила Лейсан.

– А ко мне? – тон Кадира изменился, стал низким, обво-

лакивающим. – После моих поцелуев ты тоже плачешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.